

1928

Красное студенчество

928-1929 УЧЕБНЫМ ГОД

-191.
1
02

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

ЛИТЕРАТУРА И БЫТ:

- В. ИНБЕР.—Место под солнцем (Глава из книги) 1
- А. ПРОЦНЕВИЧ.—„Специалисты“ (Из дневника студента на производственной практике) 4
- В. МАЯНОВСКИЙ.— Студенту-пролетарию (Стихи) 7
- МИТРЕЙКИН.—Дом отдыха (Стихи) . . . 8

НАША ОБЩЕСТВЕННОСТЬ И УЧОБА:

- В. МОЛОТОВ.—Подготовка новых специалистов 9
- А. АМО.—Травля негодного 22
- А. САМАРИН.—О производственной практике. 26
- ОТ РЕДАКЦИИ.—Снова о кинофикации . . 27

ЗА РУБЕЖОМ:

- А. Ф. КОЙЛЬ.—Рабочие и студенты Америки. 28

НА МЕСТАХ:

- НАВЕВСКИЙ.—„Новый прием“—(Фотомонтаж) 30
- Проф. С. З. НАЦЕНБОГЕН.— Саратовский Университет 31
- А. И. ИВАНОВ.—1 000 32
- Б. ВАЙНЕР.—Где жить, где учиться . . . 32
- АЛЕШ.—Стружки на верстаке 33
- А. ЯМСКИЙ.—Практика 34
- Л. ПОЛЬСКИЙ.—Город Полотныйный . . . 35

КАК НАМ ЛУЧШЕ ОРГАНИЗОВАТЬ СВОЮ УЧОБУ:

- ОТ РЕДАКЦИИ 37
- И. В. РЕБЕЛЬСКИЙ.—Как слушать 37

2-я ЗАЕМ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ.

- 5 рублей стипендии взаимы государству . 39

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
Москва, 11, Солянка, 12
Дворец Труда, пом. № 214
тел. 3-55-54.

Домашнее чтение

ЕСЛИ ВЫ ХОТИТЕ РЕГУЛЯРНО И СИСТЕМАТИЧЕСКИ ЧИТАТЬ У СЕБЯ НА ДОМУ ИНТЕРЕСУЮЩИЕ ВАС КНИГИ, ОРГАНИЗУЙТЕ КОЛЛЕКТИВ „ДОМАШНЕЕ ЧТЕНИЕ“!

КАЖДЫЙ ВСТУПАЮЩИЙ В КОЛЛЕКТИВ „ДОМАШНЕЕ ЧТЕНИЕ“ ПОЛУЧАЕТ ВОЗМОЖНОСТЬ ЗА ПЛАТУ В 1 р. 50 к.—2 р. В МЕСЯЦ

ПРОЧИТЫВАТЬ ЕЖЕМЕСЯЧНО ДО 10 КНИГ ПОЛУЧАТЬ ЗА ЭТУ ЖЕ ПЛАТУ ЕЖЕМЕСЯЧНО ПО ОДНОЙ КНИГЕ В ПОЛНУЮ СОБСТВЕННОСТЬ СОСТАВЛЯТЬ ИЗ ЭТИХ КНИГ СВОЮ ДО- МАШНЮЮ БИБЛИОТЕКУ.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

Задаток при подписке по 1 р. 50 к. с каждого члена коллектива.

Высылка книг производится один раз в месяц наложенным платежом.

Задаток засчитывается при первой и последней высылке книг путем соответственного уменьшения наложенного платежа.

ПЕРЕСЫЛКА—БЕСПЛАТНО.

Подписка принимается сроком на 1 год и 6 месяцев.

Подробные проспекты и каталоги высылаются по первому требованию бесплатно.

С ЗАПРОСАМИ ОБРАЩАТЬСЯ

В „ДОМ КНИГИ“ Госиздата — Москва, Тверская, 51. Тел. 32-97 и 3-19-06.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ВОПРОСЫ КУЛЬТУРЫ И БЫТА

Лебедев Д. — Голос миллионов. Опыт обследования 16 000 писем рабочих корреспондентов. Стр. 59. Ц. 15 к.

Лебедев Д. А. — Ситые развалюшки. Дело черноморца Моза. Стр. 48. Ц. 20 к.

Пригородов-Курдин А. — Брава и семья. Что нужно знать молодежи о браке и семье по новому кодексу. Под ред. Д. Курного. Стр. 56. Ц. 12 к.

Семашко Н. А. — Новый быт и половой вопрос. Стр. 32. Ц. 12 к.

Семашко Н. А. — На борьбу с пьянством. Изд. 2-е, испр. и доп. Стр. 24. Ц. 10 к.

Семашко Н. А. — Физиология земной. Стр. 23. Ц. 15 к.

Добринников Д. и др. — Пекин-пустыни. Стр. 32. Ц. 15 к.

Чаромский И. — За трудовую культуру. Стр. 31. Ц. 12 к.

Вайсброт — Советская художественная литература. Стр. 86. Ц. 40 к.

Луначарский А. В. — Культура на Западе и у нас. Стр. 54. Ц. 12 к.

ПРОДАНА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ И ОТДЕЛЕНИЯХ ГОСИЗДАТА

Красное студенчество

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛ
Ц. Б. и М. Б.
ПРОЛЕТАРСКОГО
СТУДЕНЧЕСТВА

1928 — 1929
УЧЕБНЫЙ ГОД
6 ГОД ИЗДАНИЯ

1
октября
1928 г.

ВЕРА ИНБЕР

МЕСТО ПОД СОЛНЦЕМ

Черное море не слишком богато рыбой. Эта глубокая впадина, синяя от глауберовой соли, с бездонными пустотами, где лежит черный, вязкий, душно пахнущий ил, не приспособлена для рыбьих жизней. Рыба здесь невеселая: бурой окраски и мрачного характера. И только скумбрия, ласточка Черного моря, узка, серебриста, весела и проворна. Волны расписали ее спинку синними разводами, и брюшко у нее перламутрово-голубое.

Трое студентов организовали рыбацью артель. Они раздобыли лодку и сети. Они внесли в дело свои пани; молодость, зоркие глаза, упругие мышцы, набитые здоровьем. В наставниках у них был дядя Юра, рыбак, соленый грек, который по запаху волны мог определить вес, что должно случиться.

Артель поселилась на глинистом склоне в маленькой хибарке. Три стены у нее были вполне нормальные, четвертая же, задняя, вросла в глыбу красной глины. На утоптанной площадке перед домом лежала лодка, которой делали новое дно. Она была вся сквозная, как грудная клетка кита: все ее ребра торчали наружу. Воздух и солнце обтекали ее черные ребра. Она дышала, старая додка, и никак не могла надышаться.

Внизу, на берегу стояла вторая лодка, здоровая. Под ней крупная галька переходила в мелкий сухой песок. Он влажный, светлее, чем ближе к воде, тем драгоценнее становились осколки раковин. Уральские богатства, индийские

россыпи сыпались там промеж пальцев. Все это постепенно уходило под воду и под водой продолжало жить еще пышней, еще драгоценнее. Медуза, раскрытая как цветок, приплывала из глубины и становилась над каким-нибудь безвестным алмазом. Синие миди жили на соседней скале под водой. И каменные крабы проходили над ними, как облака над скалями.

Рыболовная артель начала работать. Трое мальчиков здорово изголодались за зиму, насиделись в неоплеченных комнатах, отморозили все пальцы. Теперь они накинудись на весну. Солнце вставало для них недостаточно рано, и они ругали его за лень.

На закате молодая скумбрия, чирус, играла над водой. Она выпрыгивала наполовину и, сверкнув на солнце, как перочинный нож, снова исчезала. В те дни горизонт был чист, никакие дымки не туманили даль. Никакие суда не приходили и не уходили, потому что была блокада. Море со всеми его рыбами и тишиной принадлежало нам. Вверху над морем двели фруктовые салы, потом на них показались завязь; все это происходило в тишине. Бывали ночи такого звездного могущества, что от Юпитера шла по морю полоса, как от небольшой луны.

С непривычки артель очень уставала: она выезжала в море под вечер ставить сети и на утренней заре выезжала снова за рыбой. Потом эту рыбу носили в город на базар, обменивали и прода-

P.10502

вали. Но, несмотря на усталость, на неудачи, связанные с неопытностью, невзирая на греческую придирчивость дяди Юра, который жил неподалеку и приходил в самые неурочные часы, артель находила время для задумчивых бесед.

• Рыбаков было трое, но это были три различных ума, все приемившие пораному. Первый, Лева Симцис, сын портного, осенью собирался в Москву. В скором времени это явление должно было стать всеобщим, но тогда это была первая ласточка. От энтузиазма он заикался, на губе у него вскипал маленький пенный пухырик. На юридическом факультете он был по ошибке, по воле отца, который мечтал о дне, когда в городе будут говорить:

— Сегодня в суде очень интересное дело, — обвинение в ритуальном убийстве. Защищает известный Симцис.

— Какой это Симцис? — спросит собеседник.

— Как, вы не знаете? Сын старого Симциса, портного.

Но Лева не имел никакого отношения к отцовским мечтам. Сам он думал о живописи. Он не сомневался, что революция широко распахнула двери карандашу и кисти и что в самом скором времени города превратятся в груду сокровищ, где каждый дом будет расписан снаружи и внутри. Когда никто еще не подумал об этом, он грезил о трамваях, украшенных портретами вождей и эмблемами труда.

В свободные минуты Лева представлял себе свою встречу с Луначарским.

— Товарищ Луначарский, — должен был сказать Лева, прямо с вокзала очутившись в приемной наркома, — вот я приехал. Вот вам мои руки, распоряжайтесь ими.

— Товарищ Симцис, — должен был ответить Анатолий Васильевич, — вот вам ордер на Москву: сделайте из нее чудо искусства.

Второй член артели, Викентий Ковалевский, происходил из военной семьи и имел на своем попечении полусумасшедшую бабушку и сестру Галину. В один несчастный день, когда сделалось известно, что паламида вошла в залив и распугала скумбрию, бабушка и Галина нанесли визит Викентию Ковалевскому.

— Мой милый, — сказала бабушка Лева Симцису, — подносы к глазам лорнет без стекол, — что слышно у вас в лице и, главное, как здоровье наследника?

— Он просто цветет, — ответил Лева, беспокойно шаря глазами по сторонам. — Я еще в жизни не видел такого здорового мальчика.

— Я рада слышать это, мой милый. Хотя здесь говорили, что Бадмаев, этот жидовский доктор...

— Бабушка, — перебила ее, краснея, пятнадцатилетняя Галина, — посмотрите, какая красивая лодка!

— ...Что Бадмаев, этот жидовский доктор, — продолжала с упорством бабушка, — совершенно уморил этого ангела.

А лодка действительно выглядела необычайно. Воспользовавшись днем, когда рыба плохо шла, Лева выкрасил ее снаружи черными эмблемами труда на красном фоне. Внутри она была зелеными и в таком виде поразительно напоминала арбузную корку, вывернутую наизнанку.

Третий артельщик, Костя Крошкин, любил понятные вещи: это было его особенностью. Он многого не понимал и часто начинал фразу именно этими словами: «Я не понимаю».

В теплые темные ночи, когда вода внизу издавала

только легкое шипенье и светляки слетали сверху из сада, в такие ночи раскрывались сердца. В котелке варилась уха, как в книгах: но это было в жизни. Лева Симцис говорил об искусстве.

— Я культурная единица, — говорил он, — я приезжаю в Москву, я говорю так и так. Разве не правда?

— Я не понимаю, — возразил Костя, — почему культурная единица должна непременно переть в Москву: и здесь можно работать.

— Страна больна, — думал вслух Абель Евсеевич, — Москва — это сердце: у сердца всегда теплее.

— Страна не больна, — возразил Лева. — Это не болезнь, а родовой процесс: больно, но полезно.

Абель Евсеевич не оспаривал родовой процесс, уха закипала, падающая звезда перечеркивала небо. Ковалевский молчал, как обычно. Появлялся дядя Юра. Он высыпался быстро: в час ночи он был сыт по горло сном. Он рассказывал поразительные истории о камбале, которая, по его словам, была ума, как бес. Он сообщил нам, что море теперь полно мин. Громадные мины в форме торпеды плывут в морской воде, и рыбы боятся их. Первой начинает боятся камбала, умнейшая из рыб. Она учит остальных, и море пустеет на многие мили.

— Мины везде, много-много мин, — заканчивал дядя Юра и показывал рукой по направлению Константинополя.

Мы следили глазами за его рукой и не верили ему: море было спокойным, легкое летнее море.

Потом мы глядели на небо. Абель Евсеевич обводил пальцем черные пространства, где не было звезд.

— Это пустоты вселенной, — говорил он. — Угловые мешки.

Он рассказывал нам об одной звезде южного полушария, которую звали Канопус.

— Она так велика, — сказал он, — что если в одну точку вселенной каждую минуту будет падать капля величиной с наше солнце, то понадобится вода с половиной тысячи лет, чтобы образовать Канопус.

— Пожалуйста не нало, — растерянно выговорил Лева Симцис, после чего эта культурная единица* закрыла глаза руками, будучи не в силах выдержать блеска страшной звезды.

— Цк-цк-цк — сказал дядя Юра.

— Я не понимаю, — в последнюю очередь высказался Костя. И это был редкий случай, когда он был прав.

Ковалевский молчал.

Ковалевский всегда молчал: он был самый странный из всех. Иногда мне казалось, что в нем заключена частица его сумасшедшей бабушки, а может быть, и нечто совсем другое. Днем, сидя на скале, он удил рыбу, но не для продажи, а для себя. Это было смехотворное занятие, потому что вода в том месте была тепловатая и до смешного мелка — не вода, а водича. Даже городские мальчишки презирали ее. Улов там был соответственный: маленькие бычки, почти прозрачные. Они раскрывали плавники, как настоящие взрослые рыбы, но видно было, что это дети.

Ковалевский не смущался ничтожностью добычи и бережно складывал ее в жестяное ведерко. Но какой-то одной рыбешке он яростно срывал голову. Безголовая, она летела в море, за ней остальные, после чего лодка кончалась: рыбаки сматывались и уходили. Не один раз я следил за ним, и всегда это было одно и то же: спокойствие до одной какой-то точки,

потом внезапная ярость — и конец. Однажды я спросила его, в чем тут дело.

Он посмотрел на меня и ответил нехотя:

— Это семнадцатый. Семнадцатому я обрываю голову.

— Я вижу. Но почему семнадцатый?

— Потому что в семнадцатом году началась революция: ужасный год!

Больше я ни о чем не спрашивала его.

Лева Симчис, на которого была возложена обязанность товарообмена, каждое утро отправлялся с корзиной рыбы на базар. Чтобы не распухать покупателей, он надевал штаны, закатанные до колен; верхняя часть тела оставалась голой. Он нес на плече корзину, полную серебра и соленой свежести, — это

торые существуют в природе неизвестно зачем. Он сошел сверху, с горы, в руках у него был пруттик, которым он подхлестывал воздух, как ленивую скотину. Человек попросил у нас пить, потом попросил спичку, потом сказал, что ссадил себе ногу, и ему необходимо переобуться.

Наконец он уселся окончательно, заявив, что устал, как собака, и что ему приятен здешний воздух. С этой минуты он окончательно перестал нам нравиться, хотя мы и раньше были от него не в восторге.

А прохожий человек сидел и разглагольствовал, словно он давно не находил себе собеседников по душе и теперь хотел вознаградить себя. В ответ на все его речи мы молчали как убитые. Молчанье наше становилось все титостнее, необходимо было прервать его, и Лева Симчис сделал это не вполне удачно, заметив, что лето в этом году пыльное.

Мы все смутились, только не прохожий человек. Он даже как бы обрадовался и начал нас распрашивать о нашей жизни здесь на берегу.

— Живем, — сказал Лева. — Ловим рыбу. Надо немножко подготовиться к осени. Рыбаки-профессионалы против нас, но на это не нужно обращать внимания, потому что революция уничтожила все эти подразделения. Осенью надо ехать в Москву.

— Вот здорово! — воскликнул человек. — А кто же именно здесь живет?

— Я, — ответил простодушный Лева. — Моя фамилия Симчис. И два моих товарища: Крошкин, вот этот... с веснушками... и Ковалевский, тоже студент. Вон он чинит корзину.

— Где? — спросил человек с удивительной живостью.

Лева обернулся. Ковалевского не было, и недочиненная корзина была брошена в песок.

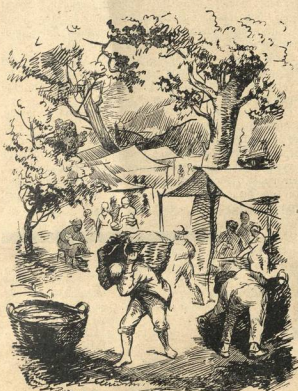
— Вот здо-ро-во! — протянул человек необычайно разочарованно.

Он ушел через несколько минут, как будто с исчезновением Ковалевского здешний воздух потерял для него всякую прелесть. Мы больше не выдали Викентия Ковалевского. От него остались только равный ремень и носовой платок, которым он повязывал себе голову от солнца. Но и эти невинные предметы были в наших глазах полны недобрых тайн. С ними были связаны слухи о заговоре, воспоминание о незнакомце с хлыстиком, о какой-то неведомой опасности, которая была близка и которую мы по своему легкомыслию не заметили.

Последующие наши дни были беспокойны. Человека с хлыстиком не было видно, но он присутствовал незримо, он мелькал где-то на горизонте. Мы не понимали, мы не знали, кто он и с какой точки зрения был ему интересен Ковалевский. Был он ему друг или враг, и если враг, то почему не тронули нас, живших с ним бок-о-бок. Все это было непонятно, но тревога была так явственна, что можно было ее ощущать рукой.

Тревога была не только в нас, она была и в природе: наступили безрадостные, знойные дни, когда солнце, вставая утром из воды, было как бы покрыто пылью. Желтое море бросало на берег слишком теплые и пенистые волны, рыба не ловилась вовсе.

На закате появилась большая туча. Она шла со стороны Крыма и была тревожна, как эстафета. Она шла и набухала, холодная синяя тень мчалась впереди ее, захватывая все новые пространства. Она дохнула холодом и влагой, и листья яблонь на горе

была скумбрия. Лева уносил в город рыбу и приносил нам слухи. Слухов было так много, что они вскипали пенными пузырьками на румяных губах.

Однажды Лева Симчис помимо слухов принес домой шишку на лбу, подбитый глаз и порванную штанину.

— Меня побили рыбаки, — с гордостью сообщил он. — Рыбаки-профессионалы — за то, что мы ввязались за их дело. Но я объяснил им, что революция уничтожила все эти подразделения.

В другой раз он пришел понастоящему смущенный. — Говорят, — сказал он нам, — о каком-то заговоре. В городе беспокойно, много арестов, и были облавы, обыски.

— Какого же рода заговор? Кого подозревают?

— Бывших офицеров и как будто даже студентов. Наши концы и теперь ищут главный узел. Говорят, что все они связаны с Врангелем. Говорят о какой-то подводной лодке здесь поблизости. Скверная история!

В тот же вечер заглянул к нам прохожий человек, очевидно, один из тех, которым нечего делать и ко-

и особенно листья тополей прилегли на серебристое брюшко, трепеща и вздрагивая. А над ними неслись пыль и клубы воздуха. Туча стояла как раз над нашим обрывом: спастись от нее нельзя было.

Настала гроза. Воздух закипел от ливня и ветра, море издало рев. Оно ревело нутром, всей глубиной своей, которая обычно безмолвствует. Гром начался в одной точке неба, потом обрушивался на вселенную. Раздавался удар, проходило мгновение, когда мы не дышали, и фиолетовая молния врвалась в наши крепко стиснутые веки, вырывая из них огненные куски. Так называемый "дом" хотел оторваться от земли и не мог: он вздрагивал, и мы вздрагивали вместе с ним.

— Я не понимаю, — сказал Костя Крошкин в минуту сравнительной тишины, — как это он выдерживает это.

И правда, это было удивительно: мы этого не ожидали.

— Стихает, — сказал Лева, глядя в пенное окно. — Стиха...

В это мгновение что-то случилось с воздухом. Раздался грохот; он шел не с неба, а с земли, он затопил весь мир. Наше окно вылетело вместе с рамой, мы повалились друг на друга, грохот все шел и шел, хотя ушные раковины уже не вмещали его. И дождь барабанил теперь прямо по нашим головам.

Это взорвалась одна из мин, о которых нам рассказывал дядя Юра. Бура сорвала ее с места, тащила по морю, пока не швырнула о скалы неподалеку от

нас. Наутро весь берег был покрыт камнями, у скалы вырван бок, и вода покрыта оглушенной рыбой. Среди рыб плавала и камбала, умнейшая из рыб. Даже пропавший ум не спас ее от катастрофы.

Этой бурей и этой взорвавшейся миной как бы завершилось лето. Море походило, попрозрачнело, и горизонт приобрел ту стеклянную хрупкость, которая является предвестницей осени.

Сейчас, в эту минуту, увлекаемая ходом книги, принужденная идти дальше, я долью себя на том, что в воспоминаниях мне не хочется уходить от этого лета. Тревога, безделье, непрочность настоящего и туманность будущего, исчезновение Ковалевского, разговоры о Москве и звездах, наконец взрыв мины — все это было крепко сварено в морском котелке: этой ухой мы были сыты долгие дни.

А. ПРОЦКЕВИЧ

„СПЕЦИАЛИСТЫ“

(ОТРЫВОК ИЗ ДНЕВНИКА СТУДЕНТА НА ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ)

Семилетка № 2 расположена на окраине города. Случись около училища проехать извозчику, для школьников это — событие исторической важности. Ученики младшей группы обязательно откроют по козлам ураганный огонь из камней, глины; старшкклассники спросят:

— Эй, дядя, вокруг столба без поворота сколько стоит будет?

— Выучили на собак лаять! — погрозит возница, особенно долго не глядявываясь.

Учатся в семилетке преимущественно дети рабочих и служащих единственного на весь город завода. В старших группах процент прочих профессий, в том числе и подозрительных, увеличивается. Подозрительность состоит лишь в том, что заведующий школой никогда толком не добьется у иных родителей, где и чем они занимаются. От разных вносов, совещаний и распросов они приходят в демобилизационное настроение.

— Ну, а все-таки, чем живешь? — наводит справки заведующий.

— Живем, что поделаешь. Сами удивляемся, как живем.

— Старьевщик? Фальшивую монету делаешь?

— Характера нет на такое дело. Думаем веревки вить.

— Заработаешь разве?

— Нет, для своей шеи. В случае чего, так прикажу вам долго жить.

Рабочий не любит подолгу учить детей. Стукнет сыну пятнадцать лет, и пора задуматься над его будущностью.

— Хватит художеством заниматься, выучился за пять лет. Бери картуз, пойдём на завод плуги делать, — скажет как-нибудь родитель.

— Вам, титенька, виднее, — отвечает сын, довольный и недовольный одновременно.

Считая с этого дня, сын режет и режет появляется в школе. Придет, покурит в классе, опрокинет вешалку, бак с водой... В такие минуты его боятся даже учителя. Проходит еще несколько дней, и заведующий тревожится:

— Что это Назаров нас позабыл?

— Дергача дал! — отвечает хором класс.
— Дергача? Это на каком еще языке?
— На русском, — смеются ученики. Смеется и заведующий.

— Я вам дам на русском!.. Так-с, на завод, наверно. Ну, что же, скатертью дорожка! Безнадежный он был начет дисциплины. То пьяный, то — в нижней рубашке придет на занятия. Чиспописанием занимался по стенам.

Заведующий лишь для отвода глаз сохраняет равнодушный вид и тон. Каждое исчезновение школьника расстраивает его так, что весь день у него падают из рук мел, журнал, части света...

Давно поговаривают о превращении школы в придаток к заводу: построят мастерские, приблизить программы к производству. Это дало бы возможность и детей привязать к учению и выкурить некоторых идеалистов педагогов, которых не лежат ни лета, ни бедствия, ни исторические события.

Заведующий нет-нет, да и прогуляется на завод потолоковать на эту тему в кабинете управляющего.

— Плуги-то не выходят... горите... в газете пишут... — начинает он обыкновенно.

— Где выйти? Сделаем — а в землю нейдут. Рабочие без квалификации.

— Надо бы — с квалификацией.

— Надо...

— Ну, что же, господа благослови! Триста рублей отпускайте. Станки заводим. Вот школа будет: и завод, и люди рвануться станут.

— Благословить могу, денег не дам — нет денег. Поговорят, покурят и разойдутся до следующего раза.

Мало-помалу стала забываться и сама идея реформы, когда однажды мечты эти приняли осязательную форму. Завод запросил сведения о детях, желающих продолжать ремесло отцов. Предстояло собрать анкету, выявить стремления, наклоности молодого поколения.

— Это неспроста! Только бы ребята не подвели, — волнуется заведующий в учительской.

Для успеха дела сам он до уроков прошелся по классам, шутил с учениками:

— Пишите, ребятки, по усмотрению! К примеру, кто пожелает быть потомственным мастерством, так и пишите, не стесняйтесь. Вот хорошо будет, родителей, наставников порадуйте.

— Что-то у меня напишут, — думали педагоги, расходясь по группам.

Урок начался. В младших группах писали:

«Учусь на бухгалтера, потому что у меня дядя бухгалтер».

«Желаю быть извозчиком, день и ночь на козлах раскатывать».

«Запишусь милиционером, а то папа приходит домой пьяный и бьет маму».

«Когда вырасту, стану машинистом. Люблю наблюдать с паровоза, где какие леса в России. Работа легкая, не камни таскать».

«Трудолюбивым и счастливым хочу быть, и из этого вывожу заключение сделать таксатором по устройству земли. Из этой профессии немудрено попасть в управление лесничества».

— Ах, ты, мой миленький, — улыбунулась учительница и поцеловала «таксатора» при всем классе.

«Таксатор» неизвестно почему заплакал, все засмеялись.

— Не хочешь со мной целоваться? Ну ладно, не буду, пиши дальше.

Казалось, не было профессии, которая не имела бы среди учеников своего представителя.

«Является охота взять в руки ремесло портнихи, но при моей бедности не знаю, смогу ли. Нравится, когда приходит заказчица. Я им начну примерять, обрывать нитки. Буду договариваться, сколько с них взять. Меня будет хвалить весь город».

«Иду на инженера по обследованию земной поверхности. Инженеров мало, ими дорожат, хорошо платят, а труд легкий».

«В своей текущей жизни желал бы быть токарем, зарабатывать на хлеб. Очень-очень трудно жить теперь».

«Больше всего стремлюсь к черной работе. Нравится мне из беспорядка делать порядок. Еще люблю рисовать портреты».

«Буду крестьянином, но не помещиком, а середняком. Не могу выбросить из головы картины деревенской жизни».

«У меня в голове о будущем возникает такая мечта: стать кассиршей. Люблю складывать и вычитать».

«Хочу быть фотографом; мой папа живых и мертвых снимает по хорошей цене».

«Девочки точно сговорились быть акушерками, врачами, сельскими учительницами».

«Доктора бьются здоровы и с деньгами. На работу приходят чистенькие и с работы уходят чистенькие». Одиночки плыли против течения:

«Навеки останусь рабочим, так-как нет стремления на какого-нибудь канцеляриста».

Старшие классы отвечали туманно. Школяры тосковали по новым впечатлениям, рвались путешествовать, бросали пыльный город.

«Всего лучше живется киноартистам. Откупают лучшие квартиры, труда тяжелого не имеют. Всегда в хороших одеждах и веселом состоянии».

«Моя мечта — видеть себя знаменитой скрипачкой».

«Хочу приносить пользу человечеству и быть ответственным работником в узелном масштабе».

Феофания Ивановна, руководительница старших групп, сама всю жизнь прожила восторженной инсти-

туткой и отчасти поэтому замуж не вышла. Теперь учительница в таком возрасте, который даже в анкетах принято скрывать. Тем не менее пламенное сердце ее прикрыто только усталым видом и платьем мезозойской эры. Попрехнему она стремится объять всю природу, науку и вследствие этого ничего основательно не знает. Феофания Ивановна ходит по классу и волнуется: влруг среди ее учеников оказываются телеграфисты, фармацевты и тому подобные грустные атрибуты человеческого бытия!

Но тетради дышат поэзией...

«Меня интересуют приключения, море, жизнь магров, команда: руби канаты, снимай паруса, спускай шляпки, приговосья к смерти...»

Ах, как хорошо, какие у меня романтики! — думает мечтательно учительница.

Она уже не видит, не слышит класса, перенеслась в прошлое.

— Раньше чистота, порядок были в школах. По мере приближения к учительской тишина росла. Один глобус нагонял сколько страху на воспитанников. А пуговицы, ключи инспектора! Господи, зачем инспектор, когда сторожа обладала секретом наводить дисциплину! Теперь — больше правды, раньше — красоты и торжественности. Но для чего нужна некресивая правда?..

Учительница раскрывает окно, подставляет лицо под весенний ветер, чтобы сильнее грустить над рюинами прошлого.

— Феофания Ивановна, почему вы бородавку не сржете? — говорит кто-то.

Феофания Ивановна собирает тетради и летит на крыльях в учительскую. Там ожидают соперницы.

— Как у вас? В моей группе все реальное опсали. Послушайте: «Когда вырасту, пойду на смену уставшим, состарившимся учителям».

Все подумали о Феофании Ивановне, уроки которой давно пора вычеркнуть из расписания, заменив их чем-нибудь более свежим, интересным, современным.

— А у меня звезды хватают, — говорит фантазерка, как воин, который понимает, что сраженье проиграно, но не хочет сдаться.

И, волнуясь, она пересчитывает тетради, где шумело море, пахло цветами.

— Как хорошо! — вздохнула некоторые.

Остальные приверженцы Песталощи взбунтовались.

— Ну вас! Вы чай пьете — и глаза кверху. Не своевременно, Гимназией несет от ваших тетрадей: надумано, натаскано, реализма нет.

Феофания Ивановна слушает, и у нее все кипит. Ей не нравится точка зрения фабрик и рабочих домов. Пусть отдалаются от нее пенсионной книжкой, — старуха не откажется от своих убеждений. На одних котлах и турбинах далеко не уедешь. Надо оставить романтику детям. Пускай отсохнут руки природоведа! Зачем он бьет камнями лягушек на экскурсии и душит кошек хлором? Она давно заметила, что здесь лишняя... Никому уроков не хватает, всегда личные счеты, мелочи...

Учительница расстраивается совсем и смахивает слезинку.

— Вот тоже... развалина другого века! — думают все. Заведующий более обыкновенного нервничает, кушает бороду.

— Дети рабочих, а идут чорт знает куда! — прорывается у него. У вас, Феофания Ивановна, какие-то футуристы. У Мари Егоровны — и портники, и эскулапы, а у вас — по части канцелярских принадлежностей... Чорт знает какое свинство!

Обида крепнет в его голосе, по мере того как гаснет надежда открыть мастерские.

— Этак мы с вами выпустим социалстов себе на шею. Одних лармоелов сбросили, другие садут. Работать никто не хочет. На школьной скамье зачихали от пыли и копоти. Через десять лет простой смазчик, кочегар будет цениться, как бивни мамонта. Ха-ха! — Все будут пломбы ставить и лечить геморрой... Товарищи, кого мы воспитываем, подумайте!

Всем делается неловко. Наступает молчание. Гле-то на дворе кричат дети, судьбу которых решают в учительской.

В окна бьет солнце, пахнет тополем. Хочется отдыхать от уроков, не двигаться и шуриться на солнце. Обострившееся положение мало-помалу улегается. Заведующий больше не бегае по комнате, прячет подобрешнее лицо в папиросном дыму и о чем-то думает.

— Весна пришла, — робко говорит Феофания Ивановна, во всеуслышание вдыхая свежий воздух.

Педагоги оживляются.

— Сколько лет работаете, Феофания Ивановна?

— Тридцать. Видите, как поседела, поблекла.

А вы как?

— Школу эту строил. Последние из могокан мы с вами.

Сознание честно проведенной жизни выступает на лицах труженников.

Учительская мечтает.

Ленинград.

СТУДЕНТУ ПРОЛЕТАРИЮ

Тяжек

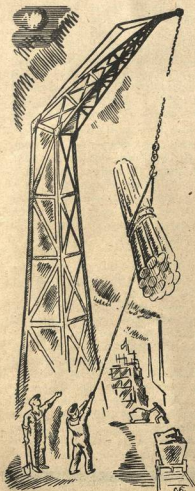
разрух
груз.

Мы —
в хвосте
у других стран.

ПОДГОТОВЬ

**за вузом вуз,
для ПОДЪЕМА
ХОЗЯЙСТВА
КРАН.**

В деревнях —
во мраке и ветре —
мужики,
под собачий лай,

ждут

**ТЕБЯ, ИНЖЕНЕР-
ЭЛЕКТРИК,**

ночью
солнцем
— вторым! —
пылай.

Сколько нефти
войной слизали, —
скрылась нефть
у земли в корнях.

Наших недр
миллионную залежь

ВЫВОДИ

**НА СВЕТ,
ГОРНЯКИ!**

На деревне —
кривой,
рыбой —
смерть
у каждой двери торчит.
На тифы
на оспы
в бой

ВЫХОДИТЕ

**ИЗ ВУЗОВ,
ВРАЧИ!**

Землю
мы
используем разве?
Долго ль
дождика
ждать у туч нам?

ВЫХОДИ,

**АГРОНОМ-
ТИМИРЯЗЕВЦ,**

землю
сами
без бога утучним.
Ободрались,
как ни кроите,
не заштопать
домов
и века.

ВЫХОДИ,

**АРХИТЕКТОР-
СТРОИТЕЛЬ,**

нам,
бездомным,
дома воздвигай!

Погибает
скот
по нашей вине,
мор
считают
божьей карой.

СТО КИЛО

**на каждой свинье
НАРАЩИВАЙТЕ,
ВЕТЕРИНАРЫ.**

Не дадим
буржуазным сынкам
по Донбассам
контру вить!
Через вуз
от сохи,
от станка

МОЗГОВИТЫМ

**СПЕЦОМ
ВЫДЫ!**

Тяжек
разрух
груз,
но, бодрей
других стран,

МЫ

**ПОСТРОИМ,
ПРОИДЯ
ВУЗ,**

ДЛЯ

**ПОДЪЕМА
ХОЗЯЙСТВА
КРАН!**

МИТРЕЙКИН

ДОМ О Т Д Ы Х А

Сердитый автобус фыркнул: „Здесь!“

Вытряхнул: „Гудяй на счастье!“
Тронул карман — путевка есть,
Дверь прохрипела: „Здрасьте!“

Женщина врач — почти не женщина —
Ткнула в подмышки, остукала ребра;
Послушала сердце... Какая обмыдница!
— Ничего, — говорит, — доброе!

Натягивая брюки обиженно буркнул:
— Не доброе, поэтическое!
Равнодушно вскинула круглые буркалы
Не женские — пичьи скорей!

Обмяли тело со всех концов,
Обмерили, взвесили, записали.
— Номер сорок. Отдыхайте молодцом,
А главное — по расписанию.

Бор, осыпая игольчатой медью,
Двинул оркестром грачым,
Сердце — бубном в такт интермедии:
Живи, брат, силенку наращивай.

Добрая няня раздобыла чай
Бронзовый, дымный. — Чаевничай в комнате...
Знакомая старушка. Спросил нечаянно:
— Ларину Таню не помните?

Зеленые трусы на свет распахнул:
— Крепкие... Комично чихая,
Сказала: „Ларина?.. с завода „Моспух“?
Рыжая? — Есть такая...“

Сбросил обузу, сам покраснел:
— Чем не Милосская Венера?
Знатный костюм: трусы, пенснэ,
Плюс — атмосфера!

Зарясь завистливо на позолоту мыши,
Щипля свою зеленую кожу,
Шептал укоризненно: — Миш, а Миш,
До чего же ты, брат, непригожий!

А ветер трубил в ушные раковины:
— Брось, паренек, не зарясь!
Все человеки, — все одинаковы,
Нырять в песок и поджаривайся!

После обеда (обед „на ять“,
Не кинешь словечка грубова)
Вспомнил братию: — Бедная!
Такие харни в институт бы вам...

На солище прожарившись до пузырей,
Всю ночь извивался в огненных простынях...
...В окна билась о стекла свирель,
И звезды лупились коростой.

В. МОЛОТОВ

Вопрос об улучшении подготовки специалистов встал перед нами в связи с шахтинским делом. Но, само собою разумеется, что шахтинское дело — только толчок, что оно только лишь напоминание о той задаче партии, которая уже не первый день и не первый месяц буквально стучится к нам в дверь. Вопрос о технических кадрах для нашей промышленности, транспорта и вообще вопрос о кадрах для хозяйства, да и не только для хозяйства, но и о кадрах для всего социалистического строительства относится в настоящее время к самым основным и к самым острым вопросам в СССР. По разным линиям партия в настоящее время должна подойти к этому кардинальному и пока в высшей степени неудовлетворительно разрешенному вопросу. В особенности остро этот вопрос поставлен перед нами в области техники, в области промышленного и сельскохозяйственного производства.

То, что мы до сих пор мало занимались этим вопросом, — а это несомненно так! — и то, что положение с подготовкой специалистов для промышленности и для других отраслей нашей государственной работы у нас в настоящее время находится в крайне неудовлетворительном положении, — это для нас ясно теперь больше, чем когда бы то ни было раньше. Особенно потому мы не можем признать положение с вопросом о технических кадрах сколько-нибудь удовлетворительным, что практическое дело социалистического строительства у нас идет огромными шагами вперед. В нашей работе по строительству социализма мы движемся победоносно вперед, несмотря на нашу огромную отсталость в таком деле, как новейшая техника, несмотря на нашу страшную медлительность в таких вопросах, как практическое использование новейших достижений в различных областях науки. Наше основное преимущество в том, что сама система советского строя, те общественные условия, в которых мы ведем строительство, настолько жизненны, что несмотря ни на что, могучие соки экономического развития СССР буквально бьют ключом. Нам нужны кадры организаторов для всех областей социалистического строительства. Нам нужны кадры социалистических организаторов, знающих свое дело не хуже иностранных специалистов и вместе с тем кровно связанных с интересами широчайших масс трудящихся. То, что отмечено в резолюции апрельского пленума ЦК в связи с шахтинским делом как одна из главнейших наших слабостей и что действительно является весьма слабым

местом в нашей хозяйственной работе, это — тот факт, что, несмотря на исключительно усложнившиеся задачи, мы еще зачастую работаем в хозяйственной области методами первого периода революции, что на практике превращается нередко в так называемое «общее руководство» и в этих случаях превращает наших хозяйственников в «комиссаров плохого типа» (см. резолюцию апрельского пленума ЦК). Между тем мы должны вплотную взяться за осуществление важнейшей задачи — задачи создания новых кадров настоящих советских специалистов, а также за дело превращения коммунистов-практиков и вновь подрастающих кадров из коммунистической и рабочей среды в настоящих, знающих в совершенстве свое дело специалистов-руководителей, со скорейшим уничтожением остатков «комиссаров плохого типа» во всех отраслях работы. Это дело мы должны поставить теперь в качестве важнейшей задачи всей партии.

Специалисты и промышленность

В отношении промышленности вопрос о кадрах имеет особенно крупное значение.

Теперь вопрос о кадрах специалистов для промышленности — это вовсе не только вопрос о кадрах старых специалистов. Конечно, пока новых специалистов, вышедших из рабочего класса, еще мало, главную и решающую роль в области специальных знаний, несомненно, должны играть — и еще играют в действительности — старые специалисты. Но теперь уже в огромной мере дело зависит от притока новых специалистов, которых пока до крайности мало. Между тем условия для подготовки этих новых и притоку широких кадров квалифицированных специалистов у нас имеются, и это дело мы можем двинуть значительно вперед, если понастоимому за него возьмемся. Для промышленности это теперь прямо вопрос жизни или смерти. Если мы поставили перед собой задачу «догнать, а затем и превзойти» передовые индустриальные страны, то ясно, что это мы можем сделать только и исключительно на основе новейших достижений техники, делая это, вопервых, путем перенесения к нам этих достижений и привлечением значительного слоя специалистов из капиталистических государств, и, вторых, путем максимального поднятия дела подготовки специалистов из среды рабочего класса и вообще из трудящейся массы в нашей стране.

Для промышленности вопрос о специалистах стал уже такой проблемой, без радикального решения которой настоящего прогресса, настоящего закрепления тех важных побед, которые у нас имеются в области советского строительства, в частности в хозяйственной области, мы иметь не можем.

В самом деле, стоит только привести данные насчет роста капитального строительства, чтобы ясно представить себе, насколько велики те средства, которые рабочий класс вкладывает в это дело уже в настоящее время. По промышленности и транспорту вложения и капитальное строительство за последние годы шли такими шагами: в 1924/25 году мы вложили в это дело 609 млн. рублей, в следующем году — 1 107 млн., в следующем году — 1 430 млн. и наконец в этом году — 1 878 млн. Одно это требует огромного кадра действительно квалифицированных специалистов, дабы рабочий класс не понапрасну затрачивал свои материальные ресурсы на поднятие хозяйства. Если взять из пятилетки промышленности те страницы, которые говорят о плане ВСНХ в области нового строительства, то один только список начатых уже и проектируемых работ на ближайшее пятилетие составляет 50 страниц! Значит один список новых работ в области капитального строительства — и только в одной промышленности! — составляет целую брошюру. Поправки в этот план, конечно, будут вноситься, но не может быть сомнения, что в основном этот список работ мы должны провести, должны осуществить. А это дело настолько трудное, что любому из нас стоит лишь заглянуть в этот список, чтобы понять, что вопрос о кадрах специалистов представляет собою острейшую и неотложнейшую проблему Советского союза. Это и означает, что перед нами стоит уже не только вопрос о кадрах старых специалистов, оставшихся от буржуазного общества, но и вопрос о кадрах новых специалистов, о тех кадрах, которые мы должны воспитать в соответствии с современными требованиями техники и в соответствии с новыми социальными условиями в СССР.

Каково же положение с этим делом в нашей промышленности в данный момент?

Нет нужды подробно останавливаться на соответствующих данных — их каждый из нас по конкретным примерам из области своей работы знает достаточно. Мы не можем похваляться тем, что наша промышленность обеспечена в сколько-нибудь достаточной мере инженерами и техниками с соответствующей теперешним требованиям квалификацией. В промышленности находится теперь $15\frac{1}{2}$ тысяч инженеров и столько же, т. е. $15\frac{1}{2}$ тысяч техников. Но достаточно прибавить что на 31 тысячу инженеров и техников в промышленности на ответственных технических должностях имеется еще 20 тысяч практиков, чтобы понять, что мы находимся в таком положении, когда явно вскрылся острый кризис, острый недостаток в действительно квалифицированных специалистах. Эти цифры говорят нам о том, что каждый старый хороший специалист, — будь он по своим убеждениям контрреволюционер из контрреволюционеров, белый из белых — должен быть использован нами, пока он не совершил преступления, пока он не занимается вредительством и хотя бы каплей работы в области своей специальности исполняет для пролетарского государства. Мы согласны пока использовать и таких враждебных нам, но с пользой работающих в своей области специалистов под бли-

тельными пролетарским контролем, хотя бы они и работали для советов скрежеща зубами. У нас настолько мало квалифицированных, инженеров и техников, что мы должны каждому из них дорожить, каждого максимально использовать, но, само собою понятно, решительную отсекай прочь, как гниль, как разлагающуюся ткань, все элементы из этого старого сплывшего слоя, которые пытаются поднять руку на пролетарское государство или занимаются вредительской работой в органах советского хозяйства.

Сравним положение со специалистами в нашей промышленности с положением специалистов в иностранной промышленности. К сожалению, тут лишний раз мы доказываем свою техническую малоработность и невниманье к элементарным азбучным задачам нашей практической работы. Никто не может даже по этому вопросу данных, хоть сколько-нибудь надежных — ни Наркомпрос, это ему и трудно, ни Наркомтруд, которому это не мешало бы знать, ни НТУ ВСНХ, которое как будто бы уже во всяком случае должно интересоваться этим делом. Ни один из наших комиссаров таких данных не имеет. Можно только с известным риском сослаться на конкретные заявления отдельных ответственных товарищей — хозяйственников, которые в основном свидетельствуют о колоссальной нашей отсталости от заграничи. Доказывать, что у нас заводы и фабрики, за редкими исключениями, сильно отстали от иностранной техники — как будто не приходится, однако сравнительных точных данных у нас, к сожалению, не имеется.

Иллюстрацией могут быть следующие примеры.

Товарищи из ВСНХ, в частности, работающий в этой области т. Краваль, приводит следующие данные насчет положения с техническими силами в нашей промышленности: На 100 рабочих у нас приходится 0,98 инженеров и столько же, 0,98, техников, и, кроме того — 1,28 так называемых „практиков“. В общем, на технических должностях у нас находится 3,24 на каждые 100 рабочих. Что касается других государств, то во всяком случае одних средних специалистов там не меньше, чем 2—4 на 100 рабочих. В отдельных высокоразвитых отраслях промышленности количество их достигает 10, 15 и 20 на 100 рабочих, а в области машиностроения, например в Швеции, достигает даже 50.

Во всяком случае явную отсталость в деле обеспечения специалистами нашей промышленности мы должны признать. Приведенные данные говорят о том, что у нас в этой области положение в высшей степени жалкое.

Нечего уже говорить, что в эти кадры входят и такие элементы, которые работают для советской власти из-под палки, а иногда свертывают прямо на дорожку контрреволюционного вредительства, как это мы видим в шахтинском деле. В этом отношении у нас положение до сих пор было хуже, чем в буржуазных государствах, так как специалисты в своей массе относятся к буржуазным слоям, и, несмотря на то, что в их массе несомненно произошел за эти годы перелом в пользу лояльной работы для советской власти, однако настоящего энтузиазма у многих из них до сих пор нет, а у некоторой, правда, небольшой их части до сих пор остается скрыто или даже открыто враждебное отношение к советской власти.

Как обстоит дело с подготовкой новых специалистов?

Недостатки в подготовке молодых специалистов

На этом следует подробнее остановиться. Приведем прежде характеристику положения с этим делом, которому дает т. Луначарский.

Он напечатал в „Правде“ 28 июня статью на тему „Промышленность и вузусы“ и там говорит по этому поводу следующее:

„Мы можем привести бесчисленные доказательства, статьи, доклады, речи, направившиеся Наркомпросом РСФСР во все инстанции, какие только могли помочь ему, а также к общественному мнению, относительно у жасающего не благополучия в деле подготовки специалистов высшего порядка вообще и в частности инженеров“.

Слова „ужасающего не благополучия“ т. Луначарский подчеркнул в статье курсивом.

Это весьма резкая характеристика, но в основном она правильная. Действительно, у нас с подготовкой специалистов, и в частности с подготовкой инженеров для промышленности, дело обстоит в высшей степени неудовлетворительно и безусловно неблагополучно. Об этом говорит и резолюция пленума ЦК, правда, в более мягких тонах, чем это сказал т. Луначарский. В резолюции, например, не горорится — „ужасающее не благополучие“, а просто сказано — „неблагополучие“. И это сказано правильно.

Вне всякого сомнения, что при оценке положения с этим делом мы должны учесть объективную обстановку, в которой работали наши вузусы. Вне всякого сомнения, что материальная сторона дела имела здесь в высшей степени важное, а в первый период прямо решающее значение, весьма неблагоприятно сказавшееся на положении с подготовкой новых специалистов. Кроме того надо особо учесть, что самый состав новых вузусовцев требовал коренной и притом весьма сложной перестройки в методах работы вузусов. Мы продвинули во вузусы огромные новые кадры из рабочих и отчасти из крестьянской среды — людей, которые не были подготовлены для того, чтобы проходить курс высшей школы. Коренным образом изменил социальный состав учащихся в высших учебных заведениях, мы должны были всячески помочь этому новому слою учащихся усвоить и пройти максимально быстро курс высшей школы. Следует признать явным анахронизмом, когда и теперь еще кого-то убеждают, что рабочие в наших вузусах не отстают от остальных учащихся. Так говорить просто смешно, потому что молодые кадры рабочих, которые мы двинули во вузусы, не только нисколько не хуже других учащихся, но во многих отношениях лучше и крепче берутся за дело изучения науки, хотя им и приходится притом преодолевать „сверхкомплексные“ трудности. Несомненно, что в этом отношении мы имеем за эти годы большие успехи.

Дальше. Большие трудности за эти годы мы имели с преподавательским составом во вузусах. Преподавательский состав у нас далеко не удовлетворителен с точки зрения современных требований. К тому же и по политическим настроениям он в значительной своей части далек от нас.

И все же, во всех основных моментах, определяющих положение наших вузусов, мы за последние годы имеем значительные успехи. Если говорить об основных достижениях наших вузусов вообще, то кратко можно было бы их сформулировать следующим образом.

Мы радикально изменили социальный состав вузусов. Теперь у нас решающую роль в вузусе имеют рабочие, хотя они еще и не составляют большинства в среде учащихся. Дело с этой стороны обстоит вовсе не во всех отношениях благополучно, но во всяком случае решающее изменение в состав учащихся революцией уже внесено. Общий успех в развитии наших вузусов можно охарактеризовать в двух словах тем, что мы, примерно, достигли довоенного уровня в постановке этого дела. Несмотря на крайне тяжелые материальные и бытовые условия, несмотря на коренное изменение в социальном составе учащихся и несмотря на неудовлетворительное положение с преподавательским кадром, — мы до довоенного уровня в общем и целом дошли. Это нельзя не признать за крупное достижение в работе Наркомпроса и в частности в работе Главпрофобра.

Однако у нас имеется в этой области и много минусов. Остановимся и здесь лишь на самом главном. Но прежде чем перейти к наиболее острым моментам специально в вопросе о вузусах, следует сделать еще два замечания. У нас развернулась сеть вузусов — это большой плюс. Но вместе с тем существует в ряде случаев параллелизм одинаковых факультетов, иногда к тому же весьма малочисленных, в различных учебных заведениях. У нас есть факультеты, где учатся на отдельных курсах по 2—3 человека, и все же эти факультеты имеются в двух-трех местах. Если взять, например, электротехнику освещения в Электротехническом институте, в МВТУ и в Ленинградском политехническом институте, то, за исключением последнего, только единицы учатся на соответствующие однородных факультетах, и тем не менее мы готовим специалистов по электрическому освещению в трех вузусах. Это одна из многих неуязвок, подлежащих устранению.

Можно привести ряд других неуязвок, которые упираются в общий вопрос о плане. У нас, к сожалению, нет плана подготовки специалистов. Вопрос об этом плане до последнего времени является тем вопросом, из-за которого скрещиваются шпаги Наркомпроса и ВСНХ. Эти ведомства — в данном случае именно как „ведомства“ — без конца и теперь спорят о том, кто виноват, что у нас нет плана подготовки специалистов? Формально говоря, в этом в первую очередь виноват ВСНХ. Как заказчик, он должен предъявлять соответствующие свои требования в соответствии с хозяйственным планом. А если не формально подойти к этому делу, то станет ясно, что при отсутствии хозяйственной пятилетки не могло быть и сколько-нибудь сносной пятилетки в подготовке специалистов. Это, конечно, очень плохо и очень неприятно, но это факт. Если бы ВСНХ при таких условиях и дал на 5—10 лет „заказ“ на подготовку специалистов, то это была бы „Филькина грамота“, ввиду отсутствия общего хозяйственного плана.

Тот, кто обвиняет за отсутствие плана подготовки специалистов в первую голову Наркомпроса, тот тем более делает ошибку. У Наркомпроса был до сих пор „свой“ план строительства вузусов, но из сказанного ясно, что это не тот план, который нам нужен. К настоящему же плану мы лишь подходили, и то ощупью, постепенно составляя настоящий план из отдельных его элементов и имея до последнего времени лишь самую общую ориентировку в отношении этого дела в целом. Известно, что и в отношении практического хозяйственного строительства мы не сразу взялись за пятилетку, а сначала проработали несколько

Слесарное отделение индустриального техникума (Тифлис)

лет над годовыми контрольными цифрами. С плановой работой в основных вопросах (питилетка и т. д.) мы двигались вперед очень медленно, но ведь надо же помнить, что хороший хозяйственный план на ряд лет только и может опираться на настоящие успехи во всем социалистическом строительстве в нашей стране в целом, чего мы смогли добиться только в последние годы. Из этого ясно, что к плану подготовки специалистов мы должны подходить не формально, не с точки зрения вопроса о ведомственных взаимоотношениях: «кто виноват» и т. п., — мы должны, а теперь и вполне можем добиться составления этого плана в ближайшее время, связав это дело с общим хозяйственным масштабом развития на ближайшие пять лет.

В настоящий момент в постановке втузов самое главное — с точки зрения осуществления задачи «догнать, а затем и превзойти» — индустриальное развитие капиталистических стран заключается в следующем: во-первых, темп подготовки специалистов; во-вторых, научный уровень производимых специалистов; в-третьих, знание производства и связь с этим производством, и, в-четвертых, чтобы это были — что само собой разумеется — действительные красные специалисты, в связи с чем мы только и ставим первые три задачи. Вот четыре боевых задачи, которые неразрывно связаны с вопросом о плане подготовки новых специалистов и которые могут быть правильно разрешены только при наличии этого плана, без которого мы больше работать и в этой области не можем.

Перейдем к указанным основным вопросам.

Как дело обстоит с вопросом о темпе подготовки специалистов? В высшей степени неудовлетворительно. В настоящее время мы имеем такое положение: во втузах у нас обучаются от 6 до 9 лет, а в среднем — 7 с лишним лет. Явная ненормальность этого дела видна уже из этих цифр. Это можно подтвердить еще одной цифрой: ежегодный выпуск новых специалистов составляет в настоящее время только 7%, к общей массе учащихся. А такой великолепный

институт, как Ленинградский политехнический институт, оказывается, выпускает в год только 3% из общего состава своих учащихся. Если мы таким темпом будем готовить новых специалистов и впредь, то это нас никак устроить не может. Можно, конечно, сказать, что в общем такая же картина была и в довоенное время. Но в том-то и дело, что этот довоенный уровень для нас не указ. Если в этом (как, впрочем, и во многом другом) мы будем равняться по довоенному уровню, то как же мы сможем «догнать и перегнать» далеко ушедшие вперед капиталистические государства?

Нельзя не согласиться, что в деле научной подготовки новых кадров, несомненно, имеется куча препятствий к тому, чтобы ускорить темп этой подготовки, но эти препятствия мы должны во что бы то ни стало преодолеть. Материальные и другие условия жизни студенчества должны быть улучшены. Программы и планы должны быть пересмотрены, чтобы и они были приспособлены к более быстрому темпу выпуска специалистов. Как ни понятна осторожность Наркомпроса в деле пересмотра программ, как ни понятно, что Наркомпрос, в последний раз пересмотревший их только в 1926/27 году, теперь опасается новых пересмотров и ломок, — этот пересмотр теперь необходим. Конечно, постепенно, не сразу, не с бухты-баруха, но мы должны поставить это дело как одну из неотложнейших задач под новым углом зрения, в соответствии со всем намечаемой в отношении втузов коренной переменой.

Вот еще одна иллюстрация по вопросу о темпе подготовки специалистов. В Москве создан Строительный техникум, который существует уже пять лет — с 1922 года. Вот что говорит секретарь ячейки этого техникума в своем письме в Комиссию ЦК по втузам:

«Строительный техникум, имеющий сь отделений факультетов), где обучается полторы тысячи человек, где ежегодно выпуск достигает 250 человек, за 5 лет своего существования не имеет ни одного слушателя, защитившего квалификацию».

Ясно, что если мы таким темпом будем готовить наших строителей-инженеров, то мы никого не перенимем, а будем отставать и от черепахи.

И наконец с точки зрения темпа подготовки специалистов перед нами стоит вопрос: нельзя ли, наряду с теперешними вузами, курс которых рассчитан на 5-6 лет, создать новый тип вузов с более сокращенным сроком обучения, например с трех-четырёхгодовалым? Почему на Западе и в Америке такой сокращенный тип высших учебных заведений имеется, и почему мы не можем так же поступить? Разве мы можем в этом деле больше ждать, больше откладывать, чем эти переделы по технике государства? Конечно, не можем. Мы находимся в гораздо худшем положении, чем они, и потому вопрос о вузах нового типа, о вузах с более сокращенным курсом обучения, для нас является абсолютно неотложным вопросом. Нам нужно иметь специалистов так называемого „широкого типа“, т. е. с возможно максимальной научной подготовкой, но нам нужны и узкие специалисты. Тот спор, который нередко возникает между хозяйственниками и Наркомпросом, — какой тип специалистов нужен, „узкий“ или „широкий“, — спор этот в значительной мере является схоластическим спором. Во всяком случае абсолютно неправильно утверждать, что нам нужны специалисты только одного из этих типов, — для промышленности нужно и то и другое. Нам нужно как можно больше самых лучших, самых квалифицированных специалистов. Но если дело о подготовке самых лучших, самых квалифицированных специалистов движется медленно, а часть своих запросов мы можем удовлетворить за счет кадров специалистов с более узкой подготовкой, то почему нам не воспользоваться опытом других государств и наряду с осуществлением основной задачи по подготовке квалифицированных во всех отношениях специалистов не прибегнуть также к подготовке специалистов более узкого типа и на этом выиграть в темпе. Только недопустимым игнорированием жизненной и неотложнейшей проблемы можно было бы объяснить отказ от создания вузов с трех-четырёхгодовалым сроком обучения. Такого игнорирования запросов промышленности партия допустить не может.

Второй недостаток — отсталость теперешней научной подготовки во вузах.

Можно ли оспаривать это? Нет, нельзя. Мы бесконечно отстали в этом от передовых капиталистических государств. Это нечего доказывать. У нас прежде всего оборудование никуда не годится, так как оно страшно устарело. В оборудовании МВТУ есть станки 1847 года; там до сих пор учатся по некоторым пособиям 1895 года. Во многих случаях и оборудование и учебники недопустимо устарели. Таких явных безобразий, которые являются результатом объективных тяжелых условий нашей страны в первые годы революции, — прежде всего результатом недостатка средств, — у нас бесконечное количество. Мы не можем больше этого терпеть, если мы не отказываемся бороться с нашей исключительной отсталостью в технике, с нашим низким уровнем научно-технического развития. А надо признать, что, занятые бесконечной массой труднейших практических дел, мы не успеваем до сих пор постоянно взяться за борьбу с нашей малограмотностью в вопросах техники. Наука в работе коммунистов пока еще не за-

няла того выдающегося места, которое должно быть теперь ей отведено. В этом наша беда.

Возьмем преподавателей. Несмотря на то, что у нас есть квалифицированнейшие, первокласснейшие ученые, не уступающие, а иногда превосходящие в отдельных отраслях лучшие силы заграничи, — мы имеем преподавателей, в массе своей не только в прошлом недостаточно подготовленных, но еще более отставших за последние годы ввиду нашего отрыва от новейших достижений за время войны и революции.

Возьмем теперь наших „практиков“, работающих на инженерских должностях в производстве. И в этом отношении у нас крайне тяжелое положение.

Можно привести несколько иллюстраций для характеристики низкого уровня научной подготовки в теперешних вузах.

Комиссия ЦК по вузам произвела специальное обследование четырех вузов для ознакомления с фактическим положением дела подготовки новых специалистов на месте. Это обследование дало много характерных и ценных материалов. Остановимся на данных обследования МВТУ. Даже в одном из лучших наших вузов, каким является МВТУ, мы имеем на каждом шагу вопиющие примеры нашей технической отсталости.

Вот пример по инженерно-строительному факультету. Здесь обследователи говорят:

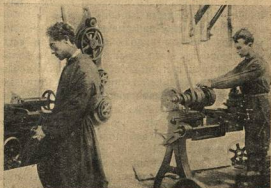
„Даже такие предметы, как новые материалы и новые конструкции, являются факультативными. Новые строительные машины, полученные из-за границы и применяемые в Союзе несколько лет, студентам не известны. Дипломные проекты студентов отличаются чрезвычайной отвлеченностью, опыт иностранной техники в проектах отражен слабо“.

По химическому факультету:

„Программа химического факультета требует переработки в смысле пополнения новейшими достижениями химии. Наблюдаются крайняя отсталость от новейших достижений прикладной химии и отсталость, разрыв с т. м. общими организационными и экономическими задачами промышленности, без которых современный инженер в нашей стране работать не может“.

Об учебных пособиях для студентов обследователи говорят:

„Чрезвычайно интересно, что мы увидели в смысле пособий, на которых работают студенты. Прежде всего — библиотека. Библиотека старая, новой литературы очень немного. Библиотека является образцовой по 1835 году. Учебники зарабатываются до дыр, до того, что некоторые страницы, вообще боевые, читать невозможно. На станках, например, стоит марка 1847 года. Из предметов оборудования

Учащиеся за работой в слесарной мастерской (Профтехникум. Харьков)

МВТУ можно организовать неплохой музей. Нового оборудования не только из-за границы, но даже с наших советских заводов не поступает, его нет».

Вот на чем обучаются студенты МВТУ, самого большого технического учебного заведения, которое мы имеем в СССР.

Теперь посмотрим, что говорят обследователи о положении с подготовкой транспортных инженеров.

Не учитывается то, что наши современные предприятия облагают новым оборудованием, которого студенты не знают. Студенты также указывают, что при преподавании не уделяется внимания такому важному вопросу, как вопрос рационализации производства».

Так готовятся у нас студенты в нашем МИИТе. Что касается преподавания, то и здесь данные свидетельствуют о том, что большинство преподавательского состава сильно отстало. Вот что говорят материалы обследования МИИТ:

«Ввиду того, что лишь небольшая часть профессоров и преподавателей работает над наукой, большинство же их пользуются своими знаниями для побочного заработка (консультация, совместительство и т. п.), большинство профессорского преподавательского состава сильно отстало в науке, что отрицательно влияет на успешность студенчества и на подготовку специалистов».

О том же говорят обследователи по поводу преподавания в МВТУ.

Теперь следует, хотя бы в двух словах, остановиться еще на одном и притом исключительно интересном вопросе: как обстоит у нас дело с подготовкой новых научных и инженерно-технических кадров? Оказывается, для всех областей техники в настоящий момент у нас подготовляется научных молодых сил во всех вузах РСФСР всего — 117 и, кроме того, так называемые стажеры при научно-исследовательских институтах ВСНХ — 170. Первые — аспиранты, а вторые — стажеры, готовящиеся к аспирантуре. Кроме того имеется еще внештатных аспирантов 104 человека. Если взять всех их вместе, то выходит, что мы подготовляем сейчас молодых научных сил только 391 человека — и это для всех отраслей промышленности! Это — жалкая, позорная для нас цифра! Нужно иметь еще в виду, что из теперешних 170 человек, подготавливающихся в научно-исследовательских институтах ВСНХ, до 1927/28 г. было только 24 человека, — только за последний год мы успели немного сдвинуть это дело в научно-исследовательских институтах ВСНХ. А до того времени Научно-техническое управление ВСНХ, хотя оно уже давно так называется, именовалось «управлением» в этой области не занималось. Вот то положение, которое мы имеем с научно-техническими молодыми силами.

Нужно ли еще доказывать, что мы отстали в научно-техническом отношении? Вряд ли есть в этом необходимость. Надо признать, что здесь дело обстоит у нас из рук вон плохо. К этому нужно добавить, что во вузах руководство профессуры этими молодыми научными работниками никем и никак не оплачивается. Остается сделать из этого явно напрашивающийся вывод, а именно: все что угодно, но оставлять в таком положении дело подготовки новых специалистов мы не можем!

Третий вопрос — вопрос о связи с производством, о знании нашими молодыми специалистами производства, для работы в котором они готовятся.

Как дело обстоит в этом отношении? Для характеристики этого дела можно бы привести из материалов

Комиссии ЦК много примеров. Ограничимся здесь минимумом.

Вот выдержка из заявления украинского бюро инженеров-металлистов по поводу учебных планов все того же МВТУ (это заявление было недавно напечатано в «Торгово-промышленной газете»). В заявлении говорится:

«Призывая правильной основную задачу училища, — выпускать общественно развитых и высококвалифицированных инженеров-организаторов, — бюро отмечает, однако, что учебные программы по разным отделам и подотделам как механического, так и химического факультетов страдают весьма существенным недостатком. Специальные курсы не знакомят молодого инженера с той заводской обстановкой, в которой ему придется работать: недостаточно освещаются организационная и экономическая стороны тех производств и производственных процессов, которые этими курсами охватываются».

А заканчивается заявление украинских инженеров-металлистов следующими словами:

«Бюро считает, что программы отдельных курсов и предметов механического и химического факультетов подлежат коренному пересмотру в соответствии с теми требованиями, которые предъявляются в настоящее время к молодому инженерству».

Это — насчет программ.

Возьмем теперь примеры из области того, как оценивают это положение наши работники, занятые подготовкой специалистов, начиная с самых крупных имен. Один из крупных наших специалистов как-то сказал, что «наша промышленность, — видите ли, — еще не доросла до науки». Это преданный совести и вместе с тем квалифицированный ученый, но он свысока глядит на нашу промышленность и заявляет примерно так: мы, люди науки, высоко стоим, а вы, практики промышленности, до нас не доросли. Это — безусловно неправильная оценка. Наоборот, в некоторых отношениях скорее следовало бы теперь сказать, что у нас наука не доросла до производства. Мы же знаем, что в ряде отраслей производство поставлено позагранично, с последними техническими достижениями, у нас имеется и новейшее оборудование, в котором наши технические силы иногда, к сожалению, плохото еще разбираются.

И уж вовсе неправильно было бы хвататься тем, что «мы, наука, стоим так высоко, что производство до нас не доросло». Нам необходимо поставить производство на основе высших достижений науки и техники. Притом нам особенно необходимо как можно больше и скорее приблизить работу наших научных сил к промышленности. Между тем наши ученые зачастую этой задачи не понимают, плетясь в хвосте плохих традиций отрыва научно-технической мысли от практики производства — отрыва, существовавшего в старой России.

Можно привести из этой области еще один пример. Возьмем заявление другого профессора, в данном случае уж собственно не профессора, а чуть ли не олимпийца! Вот как он оценивает положение дел:

«Прогресс в технике производства идет несравнимо быстрее, чем прогресс подготовки техников для производства. Отсюда неизбежна неудовлетворенность техниками со школьной скамьи и периодически возникающие вопросы о несостоятельности специалистов, выпускаемых вузами, требованиям промышленности. Так было до революции и так продолжается после революции».

Вот старая, хорошо известная формула, сказанная весьма почтенным профессором по крайне актуаль-

ному вопросу о подготовке специалистов для промышленности: оказывается — если ему в этом поверить: так было — так будет, и с этим будто бы нам надо примириться!

Однако никто из нас ни на одну минуту с этим „олимпийским“ спокойствием, а вернее, с этой безмерной покорностью „судьбе“ примириться не может. Мы должны самым радикальным образом сломать и здесь традиции, оставшиеся нам от царской России, и во что бы то ни стало на деле обеспечить живую и все возрастающую связь науки, техники и промышленности. Нам особенно необходимо, чтобы эти усвоили те работники, — а именно работники технической научной мысли, — от которых прежде всего и зависит дело поднятия нашего технического образования.

Нужно сказать, что сами работники Наркомпроса на наших глазах делают в этом отношении крупные шаги вперед. В своей статье, служащей введением к недавно вышедшей книге „Какого инженера готовят наши вузвы?“, т. Ходоровский успокаивался еще на таких заявлениях, которые весьма странно звучат, и которые теперь он и сам уже не повторил бы. Вот выдержки из этой статьи т. Ходоровского:

„При осмотре ленинградских вузвыз мы между прочим ставили сопровождавшим нас инженерам и вообще представителям промышленности и самих вузвыз вопрос: достаточно ли связь вузвыз с производством? И неизменно получали утвердительные ответы, причем эти утвердительные ответы тут же подкреплялись фактами“.

И дальше:

„Когда мы пытались поставить вопрос относительно связи вузвыз с производством, люди просто пожимали плечами, они не понимали этого вопроса — настолько вузвыз тесно переплелся с хозяйственной жизнью“.

Но надо сказать, что и здесь наше положение совершенно неудовлетворительно. В этой области не выполнены неоднократные директивы партии. Кто в этом виноват? Но и здесь говорить о вине — значит сводить дело к узкой постановке вопроса.

Следует остановиться подробнее на фактической стороне дела с производственной практикой.

Каково здесь положение в настоящее время? Теперь установлено, что производственная практика продолжается в среднем только два с половиной месяца в течение летних каникул. Производственная практика превратилась в летние экскурсии, в летние занятия, что нисколько не отвечает тому, чтобы студенты овладевали производством. Вот более подробные данные Ленинградского областного совнархоза по ряду заводов. Какая здесь продолжительность производственной практики? Эта практика продолжается иногда только один месяц, очень редко — четыре-пять месяцев и больше, а в среднем — два-три месяца. Это после того, как Центральный комитет и СНК постановили, чтобы она продолжалась десять месяцев и чтобы она была не просто летним отдыхом, а действительно серьезной производственной практикой. Это решение о десятимесячной производственной практике не выполнено.

Всю вину за это дело валить на Наркомпрос было бы глупо. Но закрывать глаза на неудовлетворительное положение в этом деле не приходится. Приведем и один из многих курьезов в области производственной практики. Вот что пишет студент в журнале „Красное студенчество“ о своей летней практике:

„Создавшаяся недельная атмосфера привела к тому, что студенты целыми группами убежали из мастерских. Некоторым, придя в мастерские и повесив свой рабочий номер, до начала работы уходила домой и являлась только к окончанию ее за тем, чтобы снять свой номер и уйти домой... Или еще лучше: идут группой в три-четыре человека на паровозное кладбище, находящееся на территории мастерских, и заваливаются всем „коллективом“ спать“ (Воронежский техникум путей сообщения — журнал „Красное студенчество“ № 7, 1927/28 г., стр. 61.)

Вот производственная практика студентов Воронежского техникума путей сообщения. Что может дать этим людям производственная практика?

Можно ли разрешить данную задачу тольк о путем усиления представительства хозяйственных органов в органах Наркомпроса, Главпрофобра и т. д.? Нет, нельзя. Это было бы бюрократическим подходом к трудной задаче, делу это не помогло бы. Этот способ, применяемый вместе с другими мерами, известную роль сыграть должен, но чтобы добиться радикального улучшения, чтобы немедленно повернуть рычаг в этом деле, мы не можем ограничиться усилением представительства хозорганов в органах Наркомпроса, а нужно здесь живую связь и совместную работу этих органов иметь на деле.

Наконец четвертый вопрос — о составе наших вузвыз.

Обеспечивает ли он теперь выпуск действительно красных специалистов? В основном, пожалуй, эту задачу мы разрешаем удовлетворительно, хотя и здесь еще нужны крупные улучшения. Во вузвыз по РСФСР имеется теперь 42% рабочих, на Украине — 48%, коммунистов по РСФСР — 24%, на Украине — 16%. В техникумах мы имеем такое положение: дети рабочих и рабочие составляют по РСФСР 32% на Украине — 44%; коммунистов по 6% там и здесь. В основном мы имеем кадры, все большая часть которых является выходцами из рабочей среды, и кроме того во вузвыз растет процент коммунистов. Последнее также является значительным достижением. Мы должны пойти дальше по этому пути. Но основной путь уже проложен, основательные успехи уже налицо.

Есть у нас и здесь большое место. Это — положение детей рабочих. Если рабочих через рабфаки мы довольно широкой волной вливаем во вузвыз, то с поступлением детей рабочих во вузвыз дело обстоит очень плохо, потому что всего II ступени не приспособлена для этого. Так, из всего состава учащихся, например, МВТУ только 2,7% составляют дети рабочих. В нашей республике такое положение является прямым безобразием, которое мы должны немедленно устранить. Наркомпрос это понимает. Здесь главное дело заключается в том, чтобы подтянуть школу II ступени. Необходимо создать ряд специальных облегчений для подготовки рабочих и в особенности детей рабочих, чтобы обеспечить им возможность поступления во вузвыз. В настоящее время дело обстоит так, что, — как это выяснилось при обследовании МВТУ, — нередко приходится для поступления на вузвыз затрачивать 100, 200, а иногда и 400 рублей за дополнительную подготовку окончивших II ступень, а это рабочим ниспосильно. Такое положение является нетерпимым, и мы должны произвести здесь радикальные перемены.

С точки зрения политической работы во вузвыз дело обстоит тоже очень и очень плохо. Наши студенческие организации занимаются главным образом администрированием, массовая работа среди студенче-

Занятия студентов в чертёжно-модельном зале
(Механический институт им. Ломоносова в Москве)

ства ведётся плохо, партийное руководство в этом деле фактически отсутствует. Мы должны радикально улучшить и это дело, так как положение здесь явно неблагоприятное.

Меры улучшения подготовки красных специалистов

Каче меры нам нужны, чтобы серьезно двинуть с места дело подготовки специалистов?

Все резолюция пленума ЦК говорит об этих мерах. Эти меры касаются основных сторон дела: ускорения темпа подготовки специалистов, поднятия научного уровня в этой подготовке, усиления связи с производством в этом деле, создания для студенчества соответствующих условий учебы. Все это вместе с дальнейшими шагами по улучшению социального состава студенчества является необходимым для обеспечения во втузах подготовки действительно необходимых нам кадров красных специалистов.

В советских условиях имеются благоприятнейшие условия для достижения поставленной здесь цели, для обеспечения нужной нам подготовки красных специалистов. Все это дело целиком находится в руках государства; всеми научными силами распоряжается мы. Экономически мы окрепли; социальный состав учащихся наших втузов благоприятный. Мы имеем теперь возможность получать из-за границы необходимые для наших втузов пособия и прочее. Связь наших втузов с производством может быть легко установлена благодаря тому, что и то и другое находится в государственных руках. Количество обучающихся в наших втузах уже теперь в два раза больше довоенного. За последние годы создан ряд новых учебных заведений и поставлен ряд новых факультетов, не существовавших ранее в России. Одним словом, мы имеем налицо ряд благоприятнейших условий для того, чтобы добиться коренного улучшения в этом деле в ближайшее время. Мы только должны понести ответственность за это дело в свои руки.

Однако надо остановиться и на таком факте, что на биржах труда в Москве и Ленинграде зарегистрировано 2 1/2 тысячи безработных инженеров (включая и сельскохозяйственную группу) из выпусков двух последних лет. Чем это можно объяснить? С одной стороны, у нас колоссальный недостаток сил, «практики» составляют 39% на технических должностях в промышленности, а с другой стороны — 2 1/2 тысячи без-

работных инженеров из выпусков двух последних лет! Если объяснять это только или прежде всего тем, что они не хотят ехать в провинцию — то это было бы поверхностно и неправильно. Конечно, основная причина здесь заключается в том, что они подготовлены не так, как надо для промышленности. Если бы это были те самые технические силы, в которых нуждается промышленность, они нашли бы место в производстве. Это — первая причина, но не единственная. Во вторых, в этом печальном факте виноват и Наркомтруд, не наладивший дела распределения молодых специалистов. Наконец дело в том, что у нас материальные условия для работы молодых инженеров в провинции неудовлетворительны, поэтому они не едут в провинцию. Материальное положение молодых и соответственно подготовленных специалистов, в особенности в провинции, нужно улучшить.

Теперь о материальной базе для втузов.

То, что в этой области принято пленумом ЦК, радикальным образом улучшает материальную базу всего дела подготовки наших специалистов. Сюда относится ряд мер: повышенные стипендии, особенно для втузов; серьезное улучшение положения преподавателей, особенно во втузах; увеличение ассигнования на оборудование, постройки, научные командировки и пр. Решение о материальной части сводится к следующему: общая сумма прибавки против прошлого года составит примерно 55 млн. рублей. Сюда входят и те трехпроцентные отчисления с прибыли промышленности, которые предусмотрены в резолюции. Из этих 3% половина включается в соответствующую часть бюджета Наркомпроса, другая же половина остается в распоряжении ВСНХ, который, однако, может расходовать ее исключительно на нужды технического образования. Расходование второй части отчислений промышленности (количеством это будет составлять примерно 10—12 млн. рублей) должно происходить по согласованию между ВСНХ и наркомпросами, что важно с точки зрения воздействия на наркомпрос в деле лучшего приспособления подготовки специалистов к действительным нуждам промышленности. Как известно, постановление ЦК предусматривает повышение стипендий студентам вообще и особенно учащимся во втузах и промышленных техникумах. Кроме того предусмотрено повышение зарплат для преподавателей (в вузах — не менее чем на 15%, во втузах — не менее чем на 30%). В общей сумме увеличение расходов на стипендии и зарплату составит примерно 17 1/2 млн. рублей. Остальные же 37 1/2 млн. рублей пойдут на оборудование, строительство и пр. В результате ассигнования на материальные нужды самих втузов увеличатся против прошлого года, примерно, больше чем в пять раз. Из этого видно, какой крупный шаг мы делаем в отношении материальной стороны втузов и техникумов, а также в отношении стипендий и зарплат. Нам придется очень и очень поднатужиться, чтобы провести это решение полностью в жизнь.

Кроме того финансирование капитальных работ по втузам и техникумам приравнено к финансированию капитальных работ в области народного хозяйства с перенесением значительной части затрат на эти надобности на общесоюзную часть бюджета. Этим самым обеспечено серьезное отношение к финансированию технического обучения, как к важнейшему элементу капитального строительства в нашей промышленности.

Дальнейшее увеличение расходов в данной области в этом году нам явно неспособно. Мы дали максимум. Само собой понятно, необходимо правильное использование этих средств и внимательнейшее наблюдение партии за всем этим делом. При имеющихся у нас государственных ресурсах мы сделали максимальный сдвиг, потому что мы должны во что бы то ни стало до дела низшего образования дать не меньшую прибавку. Иначе будет явная неувязка дела народного образования с делом развития народного хозяйства в целом.

Для того, чтобы осуществить выдвигаемые в резолюции пленума ЦК практические задачи, материальная база будет иметь колоссальное значение. Но не только в этом дело. Нельзя согласиться с т. Луначарским, который пишет в уже цитированной здесь статье в „Правде“, что главное и чуть ли не исключительное значение для втузов имеет именно материальная сторона дела. В этом заявлении, несомненно, есть преувеличение и явная односторонность. Без радикального улучшения материального положения дела мы, конечно, не удадим положения наших втузов, но кроме того кое-что нам надо изменить и в практике работы самого Наркомпроса. И здесь нужно остановиться на недочетах работы Наркомпроса.

Вот два примера, характеризующие недочеты Наркомпроса.

Нам давно следовало бы развернуть хотя бы несколько втузов нового типа с сокращенным сроком учобы. А как отнесился к этой задаче Наркомпрос? Он до сих пор этой задаче не понимал. Если в резолюции пленума ЦК отмечено наличие консерватизма в постановке дела подготовки специалистов, — и этот факт консерватизма в своей работе Наркомпрос в конце концов до известной степени даже сам должен был признать, — то, с другой стороны, мы не должны делать такого вывода, что нужно немедленно сломать всю теперешнюю организацию подготовки специалистов. И обратно. Мы должны здесь подходить к нововведениям в этой области осторожно, только строго продумавши то новое, что мы хотим ввести в жизнь, но нельзя, с другой стороны, бояться всего нового, и особенно недопустимо бояться того нового, что уже пробивает себе в жизни втузов свою особую дорогу и что в практике подготовки специалистов за границей дает благоприятные результаты. У нас это последнее, взятое из опыта передовых по технике стран, безусловно применимо в большей мере, чем там, потому что мы больше отстали и более остро чувствуем нехватку в специалистах, и в частности нехватку в „узких“ специалистах.

В связи с этим следует остановиться на примере с институтом им. Каган-Шабшья.

Этот институт находится в ведении Наркомпроса, но не пользовался никаким уважением, никакой любовью и никакой поддержкой Наркомпроса, а пользовался всем этим, так сказать, „с другой стороны“. Это можно легко доказать.

Что представляет собою институт Каган-Шабшья? Его задача — подготовить электромашиностроительных и электромонтажных инженеров, хорошо знающих производство, и притом приготовить в максимально короткий срок. Срок обучения в этом институте был до последнего времени всего 2 года, причем в течение каждой недели учащиеся заняты четыре дня на производстве и два дня в институте. Из института выходят узкие специалисты. Их нельзя во всем при-

равнять к тем, которые выходят из МВТУ, т. е. к инженерам с широкой научной подготовкой. По своему научному уровню они несомненно ниже тех специалистов, которые кончают, скажем, МВТУ. Несомненно и то, что 2 года — срок недостаточный; нужно минимум 3 — 4 года обучения в этом втузе. Крайностью является и то, что только два дня в неделю идут занятия в институте, а остальные четыре дня студенты работают на производстве. Наверное можно для пользы дела переставить эти дни: два дня предоставить учащимся на производство и четыре дня — в институте, или, по крайней мере, там и тут — по три дня. Поправки в этом роде и возможны и целесообразны.

Но нельзя отрицать того несомненного факта, что институт Каган-Шабшья при таком положении, что курс обучения здесь был 2 года (а на практике срок обучения получался 2½ года), все же уже дал для промышленности несколько сот квалифицированных специалистов с узкой, но очень сейчас ценной квалификацией. Действительно ли он дал этих специалистов? Директора заводов и трестов говорят, что это подходящие специалисты — узкие, но нужные специалисты. Безработных инженеров среди них нет, на бирже труда ни одного, кончившего у Каган-Шабшья, не имеется. Институт Каган-Шабшья имеет уже теперь запросы хозорганов и на часть тех, которые еще не кончили. Плюс это или минус? Огромный плюс! Наркомпрос, к сожалению, до сих пор этого не понимал и до сих пор сопротивлялся такому здоровому подходу. Наркомпрос до сих пор относится свысока к этому делу: это, по его мнению, — техника, это — не инженеры, они, видите ли, „недоросли“.

Между тем, опыт института Каган-Шабшья с соответствующими изменениями надо применять и в ряде других учебных заведений — в первую очередь для строительных и текстильных техникумов, где особенно остра потребность в специалистах. Мы должны это провести, а Наркомпрос мы должны во что бы то ни стало убедить, сагитировать или „упропагандировать“, но добиться положительного отношения к этим новым практическим мероприятиям с его стороны.

Руководители Наркомпроса говорят, что создание таких втузов поведет к ухудшению подготовки специалистов. „Вот, — говорят они, — и на Западе переходят от 3-4 лет обучения к 5 годам“. Но ведь никто не предполагает все теперешние втузы переводить на сокращенный срок обучения. Предлагается другое. Предлагается создать хотя бы несколько втузов с сокращенным сроком обучения, так-как этим путем мы ускорим подготовку промышленности специалистами. А ведь ускорение темпа подготовки специалистов, особенно такими способами, которые испытаны в передовых по технике капиталистических государствах, для нас абсолютно необходимо. Нельзя же забывать, что в этой области нам сейчас следует помнить пословицу: „не до жиру, быть бы живу“. Мы должны пойти по пути более широкого использования таких методов, которые применены в институте Каган-Шабшья. На Украине в деле организации втузов пошли, кажется, по этому пути, хотя отсюда не следует, что в постановке втузов на Украине дело во всех отношениях обстоит благополучно. Во всяком случае мы знаем, что тип втузов с сокращенным сроком обучения и на Западе и в Америке существует.

Хозяйственники требуют создания втузов нового типа, а Наркомпрос не находил ничего лучшего как

Иуринский. 28

Дружеский шарж

Молодой красный специалист тов. МОЛотов

вести борьбу против этих требований хозяйственников. Но все-таки кто же больше понимает в хозяйстве — Наркомпрос или ВСНХ? Как будто не может быть сомнения в том, что хозорганы лучше понимают нужды хозяйства. Мы не обязаны и не должны идти во всем по линии требований хозяйственников, но в той части, в какой их требования действительно отвечают насущнейшим потребностям хозяйства, мы обязаны всячески идти навстречу хозорганам.

Вопрос о втузах нового типа — это один из примеров того, что дело улучшения подготовки специалистов зависит не только от материальных средств.

А второй пример — дело с передачей нескольких втузов в ведение ВСНХ.

Если говорить о Наркомпросе, то он в этом деле проявляет не только недопустимый консерватизм, но и узкую ведомственность. Этот вопрос нет необходимости ставить в принципиальную плоскость; это — вопрос практический. Никто не предлагал и не предлагает сломать Главпрофобр, упразднить его.

Если бы мы поставили этот вопрос так, что вместо теперешнего Главпрофобра наркомпросовского создали, хотя бы по отношению только к промышленным втузам, Главпрофобр ВСНХовский, то и это было бы в данных условиях рискованным делом. Вряд ли мы подготовлены к проведению этой меры в данный момент. Мы должны подойти к этому делу гораздо более осторожно, но дела все же не откладывать.

О чем идет речь? Речь идет сейчас не о том, чтобы признать принцип — все втузы должны быть в ВСНХ,

а о том, чтобы поставить этот вопрос чисто практически. Надо признать, что улучшить это дело руками одного Наркомпроса и притом быстрым темпом мы не сможем. Мы должны привлечь к этому делу и другие органы — ВСНХ и НКПС.

Почему нельзя передать несколько втузов ВСНХ и НКПС для того, чтобы наладить их связь с производством, добиться быстрого усвоения нашими новыми специалистами всех элементов новейшей заграничной техники, с которой имеет теперь много дел именно ВСНХ, а не Наркомпрос, и наконец для того, чтобы ВСНХ мог придать новый темп и внести опыт заграницы в это дело, помогая Наркомпросу перестраивать и радикально улучшать все это дело. Здесь действительно следует сказать: „сроки кончились“, абсолютно невозможно больше откладывать дело коренного улучшения подготовки красных специалистов. Надо привлечь к этому делу, кроме Наркомпроса, и ВСНХ, и НКПС. Пусть Наркомпрос ведаёт четырьмя пятыми всех втузов. Нельзя одним разом перестроить всю систему подготовки специалистов. Но пусть и ВСНХ поможет Наркомпросу в этом деле, внесет новые элементы в это дело под контролем и наблюдением Наркомпроса и всей нашей партии.

Не может быть никакого сомнения в том, что и переданные ВСНХ и НКПС втузы должны находиться под общим руководством и постоянным контролем со стороны Наркомпроса. Об этом сказано в резолюции, и это не может вызывать никаких сомнений. Надо учесть, что у ВСНХ вполне возможна такая тенденция в постановке дела подготовки специалистов, которая неприемлема для партии. Так, если бы ВСНХ в интересах приспособления подготовки специалистов к сегодняшним нуждам промышленности, действительно повел линию на понижение общего научного уровня подготовки специалистов, то с этим безусловно нужно было бы повести решительную борьбу. В основных втузах мы не только не должны понижать научного уровня подготовки специалистов, а всемерно заботиться о повышении этого уровня. Поэтому-то нам и нужны и „широкие“, и „узкие“ специалисты. Сочетать работу наркомпросов с работой хозяйственных наркоматов нам абсолютно необходимо, особенно в настоящий момент. В этом и заключается один из основных пунктов резолюции пленума ЦК.

Даже при Владимире Ильиче мы сделали один опрометчивый шаг в этой области. В 1920 году был издан декрет о переводе всех втузов на трехгодичный курс. До сих пор этот декрет формально не отменен в этой части, но фактически его не применяли, так-как скоро все поняли, что в этом шаге была допущена ошибка. Это была попытка радикальной ломки всего дела сразу, в один момент. Но недаром Владимир Ильич в своих последних статьях говорил, что теперь мы лучше понимаем вопрос о сроках и темпе строительства, что теперь мы лучше сможем подойти к практическому делу, набивши в свое время порядочно шишек на этой работе.

Но если радикальной ломки мы не должны производить, то может ли быть польза от того, что мы введем в это дело новых организаторов, помимо Наркомпроса, в лице ВСНХ и НКПС? Конечно, польза может быть. Будут ли при наличии такого решения к этому делу привлечены новые силы, новые средства и новый опыт? Да, будут. Мы должны обеспечить единство руководства со стороны Наркомпроса и недопущение всяких необдуманных экспериментов со

вузами. Но пока в этом деле новые элементы прививаются медленно, туго, неподходящим темпом, и это абсолютно не отвечает жизненным требованиям пролетарского государства. Поэтому в этой области мы должны непременно использовать теперь не только усилия Наркомпроса, но и усилия наших хозяйственных органов. Воизнь сделать маленький шагчок, — а дело сейчас идет в действительности о маленьком шагчке, — для того чтобы ускорить темп подготовки новых специалистов, улучшить их связь с производством; усилить перенесение из-за границы научного и технического опыта в нашу промышленность, — боиться сделать ради этого некоторый шагчок, некоторую реформу, не пренебрегая радикальной ломкой дела, было бы неправильно. Может быть, через год-два или пять лет будет опять все возвращено Главпрофобру, но это можно представить лишь при том условии, что и сам-то Главпрофобр тогда будет уже не теперешним, что он и сам будет радикально перестроен и связан поновому со всеми основными хозяйственными задачами.

Но если бы из-за этого предположения мы отказались от абсолютно назревшей реформы, то мы были бы похожи на тех, про которых Владимир Ильич говорил следующие:

«Во всей области общественных, экономических и политических отношений мы „ужасно“ революционны. Но в области чиновничества, соблюдения форм и обрядов делопроизводства наша „революционность“ сменяется слепой и бездумной самым захватывающим рутинизмом. Тут не раз можно наблюдать интереснейшее явление, как в общественной жизни величайший прыжок вперед соединяется с чудовищной робостью перед самыми маленькими изменениями».

Мы должны учесть это замечание Владимира Ильича. И если, с одной стороны, мы должны предостеречь от немедленных радикальных ломок в этой сложной машине, — вернее, не в машине, а в целом агрегате, — то, с другой стороны, мы должны немедленно взяться за серьезное улучшение этого дела, мы должны привлечь сюда новые силы и проводить принцип соревнования в улучшении этого дела — соревнования между Наркомпросом и хозяйственными органами, конечно, под контролем партии. Мы должны и обязаны это сделать.

Притом одно ясно, — что хотя Наркомпрос порядочно сил, умения и опыта вложил в это дело, теперешняя подготовка новых специалистов нас удовлетворить никак не может. Однако когда теперь приходится указывать на лучшее качество специалистов заграничей, то подготовку специалистов заграничей мы вовсе не можем считать за идеал для себя. В наших условиях, когда народное образование и промышленность находятся в руках государства, притом государства, за последние годы весьма укрепившегося, мы должны добиться коренного улучшения в этом деле, используя все подходящее и из заграничного опыта. В связи с этим нельзя не бороться против того консерватизма в системе подготовки специалистов, который в настоящее время весьма отрицательно сказывается в Наркомпросе.

Кто виноват в плохой подготовке наших новых специалистов? Легко обвинить в этом Наркомпрос, но это было бы слишком узким и несправедливым подходом к работе Наркомпроса.

При всех недостатках Наркомпросом сделана большая работа в этой области, несмотря на отсутствие серьезного внимания к этой работе со стороны совет-

ских, профессиональных и партийных организаций. Нашим запоздалым вниманием к вопросу подготовки специалистов мы обязаны широко распространенной в нашей среде технической малограмотности, с чем теперь мы ни в коем случае мириться не можем.

Это, однако, никак не оправдывает руководителей Наркомпроса в их чрезмерном консерватизме при подходе к современным задачам постановки технического образования. Как бы мы ни ценили преданность работников Наркомпроса делу поднятия технического образования, мы не можем не критиковать Наркомпрос за чрезмерное пристрастие к плохим традициям в этом деле. Нельзя мириться с тем отношением руководителей Наркомпроса к справедливым требованиям хозяйственных органов, которое мы видели до настоящего времени.

Возьмем еще один пример из этой области. Что сделано Наркомпросом после XV Съезда партии, например, для улучшения постановки дела в Тимирязевской сельскохозяйственной академии, с точки зрения подготовки в ней работников кооперации, колхозов и совхозов? Нужно прямо признать, что и Наркомпрос, да, к сожалению, в данном случае и Наркомзем еще даже и не подошли к серьезной постановке этого важнейшего дела — дела подготовки кадров кооператоров, колхозников и специалистов для совхозов.

А ведь теперь дело поднятия сельского хозяйства уперлось в технику и химию, и именно технику и химию мы должны сейчас во всю двинуть в сельское хозяйство, соединив эту работу со строительством крупного сельскохозяйственного производства. Именно поэтому и в отношении сельского хозяйства сейчас не будет сделано, пожалуй, главного, если не будет поставленным поставлен вопрос о соответствующих кадрах специалистов — тех специалистов, которые понесут в деревню широко распространение техники и разнообразное применение химии и сочетают эти технико-химические задачи с задачами укрупнения сельскохозяйственного производства, с задачами строительства крупных, перерабатывающих сельскохозяйственное сырье кооперативных предприятий, с задачей организации крупных колхозов, с задачей развертывания строительства совхозов.

Между тем, у нас имеются и такие отрадные факты в развитии научно-технического дела, о которых можно особо сказать. При всей нашей отсталости от уровня мировой науки и техники, в 1926 году у нас издано технической литературы значительно больше против 1910 года: в 1910 году этой литературы было издано в количестве 177 названий, а в 1926 году — в количестве 1384 названий. За те же годы количество листов научно-технической литературы измеряется такими цифрами, как 2644 тыс. листов и 13 млн. листов.

По вопросу о качестве этой литературы можно сослаться на следующие факты. По справке Секции научных работников при ЦК Рабпроса видно, что в ряде заграничных научно-технических журналов печатается довольно большое количество статей наших научных работников. В одном из немецких химических журналов статьи ученых специалистов СССР составляют 12%, а в другом — 19%. В одном германском журнале по физике напечатано за 1927 год 68 статей наших ученых, в то время как у нас имеется громадный завал таких ненапечатанных статей.

Следует особо отметить безобразное положение с изданием научно-технической литературы и с изданием учебников для наших вузов. У нас имеется и Госиздат, и Гостехиздат, а между тем студенты получают нужные учебники у частника. Значительная часть учебников до сих пор издается частными издательствами. Разве это не показатель малограмотности в области техники и у наших государственных издательств? Несмотря на то, что за последние годы журналы по технике и химии у нас росли, все это дело поставлено весьма неудовлетворительно и требует немедленного коренного улучшения.

Следует отметить еще два момента.

Вопервых — о задачах, связанных с переподготовкой хозяйственников-практиков и инженеров, теперь работающих на производстве. У нас есть Промышленная академия для хозяйственников. У нас есть курсы красных директоров не только в Москве, но имеется уже целая сеть курсов красных директоров в провинциальных городах. Нам нужно это дело поднимать и развернуть. Есть у нас и такие курсы, где проводится переподготовка теперешних инженеров. В настоящее время имеется 5 курсов, намечено в организации 56 новых курсов на 2¹/₃ тысячи человек для переподготовки работающих в промышленности инженеров.

Но все это дело ведется кустарно, без внесения сюда государственного плана, без систематической

материальной помощи и без того, чтобы научно подковать это дело. Между тем мы должны в этой области пойти вперед более решительными шагами, дать на это дело деньги, давать длительные отпуска для хозяйственников-практиков, из которых у нас уже выросло немало великолепнейших руководителей заводов и трестов, но которые крайне нуждаются в повышении технической и общетеоретической квалификации. В резолюции апрельского пленума определенная часть хозяйственников названа „комиссарами плохого типа“, и сказано это правильно. Однако, давши такую резкую характеристику многим хозяйственным работникам, партия обязана все сделать для того, чтобы лучшие их кадры, великолепно работающие в нашем хозяйстве, имели бы возможность (например, длительные отпуска) заняться повышением своей теоретической подготовки. Они должны обязательно иметь свободное время для чтения, особенно технической литературы. Мы должны для этого способствовать созданию для хозяйственников соответствующих материальных и вообще бытовых условий, что не только не должно вести к отрыву их от рабочих, но должно помочь тому, чтобы делу вовлечения рабочих в управление производством они имели возможность уделять больше внимания. Тогда теперешние кадры лучших хозяйственников пролетариата станут действительно прекрасными организаторами нашего хозяйства и покажут много примеров замечательной организации социалистического хозяйства.

И еще одно.

Вопрос о работе специалистов для советской власти мы должны решать, как говорил Владимир Ильич Ленин, не только буржуазным, но и пролетарским методом. Оба эти метода для нас все еще абсолютно необходимы. Нам нужен и „буржуазный метод“, т. е. привлечение специалистов к работе в промышленности и во всех отраслях нашего хозяйства соответствующими высокими ставками и т. п. Но нам нужен и „пролетарский метод“, т. е. создание таких условий для работы буржуазных специалистов, когда обеспечен должный пролетарский учет всех элементов хозяйства и участие во всем этом широких масс рабочих, что связано с развитием пролетарской общности, с развертыванием работы производственных совещаний, с усиленной работой профессиональных союзов в инженерно-технической среде. Необходимо поднять на новый общественный уровень наших специалистов, уже пора в этой области добиться серьезных успехов. Оба указанных метода правильны, они нам абсолютно необходимы и в настоящих условиях. Но сейчас необходимо подчеркнуть важность усиления пролетарских методов воздействия на инженерные кадры. Между тем мы в этом отношении делаем еще очень мало. Тут надо развернуть громадную работу особенно профсоюзам, а также партийным организациям, через низовые производственные совещания — в первую очередь, и через профработу — в целом.

Несколько слов о материальном положении специалистов. Здесь есть весьма неблагоприятные участки.

Материальное обеспечение высших технических работников у нас в общем удовлетворительно, и вряд ли мы можем тут сделать какое-нибудь существенное изменение в смысле повышения ставок кроме исключительных случаев, и в частности для инженерно-инностранцев. Но дело с материальным обеспечением для средних кадров техников поставлено у нас,

Кукритинский 28.11

Дружеский шарж

Новый хозяин вузов
тов. РУДЗУТАК

по крайней мере в некоторых случаях, далеко не удовлетворительно. Не удовлетворительно также материальное обеспечение молодых научных работников. Инженеры на транспорте (в средних звеньях) в отношении материального обеспечения заметно отстают от специалистов в других отраслях хозяйства. Видно, что вопросу о материальных условиях в отношении кадра средних специалистов мы до сих пор уделяли недостаточное внимание.

Ряд общих вопросов в положении вузов резюмируя пленума ЦК не касается. Верно и то, что нельзя совершенно отделять положение вузов от положения вузов в целом — с одной стороны, и от положения школ II ступени — с другой. Не касается она связанных с положением вузов вопросов и в тех случаях, когда эти вопросы переходят за пределы самих вузов и касаются вузов вообще. Например, вопрос об управлении вузами очень важен, но его следовало бы поставить в связи с общим вопросом об управлении вузами, так как очень часто наши вузы до сих пор находятся в руках студенческих организаций. Молодежь все еще нередко сама «командует» в вузах и в том числе в некоторых вузах. Иногда и лучшие технические учебные заведения находятся фактически под руководством самих студентов. Но у нас настолько еще слаба система управления в Главпрофобре, что до сих пор даже производственная практика обычно находится под руководством студентов. Те, кто должен учиться, сами поставлены благодаря этому в положение управляющих своей учебной, производственной практикой и т. п. До сих пор есть студенты-преподаватели общественных наук в тех же вузах, где они сами учатся. Это — не вина студенчества, не вина студенческих организаций. Но такое положение и привело нас к тому, что студенческие организации теперь много администрируют, но плохо ведут массовую работу. Само собою разумеется, что вопрос о роли студенческих организаций в управлении высшей школой, это — общий вопрос. Поэтому этот вопрос лишь частично мог быть затронут в данной связи.

В заключение следует особо остановиться на вопросе о коммунистических кадрах специалистов в промышленности. Вот какое положение мы имеем здесь в настоящее время. Во вузах учится в настоящее время 22% коммунистов, 11% комсомольцев, т. е. в терпеших вузах третья часть — коммунистическая. Но из всех штатных аспирантов, находящихся у Наркомпроса, мы имеем коммунистов только 129 человек. Тут наша позиция явно не обеспечена молодыми кадрами.

Еще пример: на всех предприятиях СССР коммунистов-инженеров всего только 138, а если к ним прибавить и экономистов, то всех коммунистов-инженеров в промышленности наберется лишь около 200 человек. Вот вся наша действительно жалкая коммунистическая прослойка, которая теряется в море старых специалистов. Терпимо ли дальше такое положение? Конечно, нетерпимо. Можем ли мы радикально и быстро улучшить это положение? Да, после одиннадцати лет совласти в СССР мы можем радикально и быстро улучшить дело, если проведем намеченные сейчас мероприятия.

В связи с этим нужно отметить один из пунктов резолюции, а именно: мобилизацию 1000 коммуни-

Дружеский шарж

Новый хозяин вузов тов. КУЙБЫШЕВ

стов, имеющих хорошую хозяйственную, профессиональную или партийную практику. Эта 1000 должна быть поставлена по возможности в благоприятные материальные условия и должна нам дать один из нужнейших коммунистических отрядов для строительства социализма. Нам необходимо во что бы то ни стало быстро увеличить кадры специалистов-коммунистов, особенно из среды тех товарищей, которые имеют хорошую практическую школу революционной работы. Настоящий коммунист, да еще техник, — это, пожалуй, сейчас самый нужный нам тип коммуниста. Во всяком случае это сейчас тот тип коммуниста, в котором мы чувствуем наиболее острый недостаток.

Для нас ясно, что техника и коммунизм не могут быть оторваны друг от друга. Между тем, если мы научились готовить кадры для партийной, профессиональной и кооперативной работы, — как бы это дело еще ни требовалось поднять, — то мы находимся прямо в отвратительном положении с кадрами коммунистов-техников. Дальше такого положения партия допускать не может. Дело подготовки квалифицированных специалистов в целом, дело подготовки пролетарских специалистов из молодежи и переподготовки терпеших кадров практиков-хозяйственников является сейчас самым острым и самым важным делом из той основной для коммуниста задачи, которая заключается в создании кадров подлинно социалистических строителей, в создании кадров научно подготовленных организаторов социализма.

ТРАВЛЯ НЕГОДНОГО

Лозунг самокритики: «навзрания лица, критикой сверху донизу и снизу доверху» есть один из центральных лозунгов дня.

Из обращения ЦК ВКП (б)

Действительно, одним из центральных лозунгов дня является лозунг самокритики. Партия и профсоюзы смело и последовательно работают над развертыванием здоровой и творческой самокритики «сверху донизу и снизу доверху». В своем обращении ко всем членам партии и ко всем рабочим Центральный комитет ВКП (б) заявляет:

«Партия смело и решительно раскрывала и раскрывает перед всей страной все болезни и язвы нашего хозяйственного и государственного организма. Партия призвала трудящихся к жестокой самокритике для того, чтобы эту самокритику сделать рычагом борьбы за действительное исправление всего аппарата, для действительной, а не бумажной борьбы с бюрократизмом, для массового похода против всех врагов, начиная от кулака и «вредителя» и кончая элементами разложения в наших собственных рядах».

К юбилею одиннадцатилетнего существования Октябрьской революции страна советом подходит, значительно укрепившись на социалистических рельсах. Преодолевая огромные трудности, рабочий класс СССР в союзе с крестьянским массовым страной приступил к великой стройке социализма, к работе по реконструкции всего народного хозяйства на новой, высокой технической базе. Перестраивается промышленность. Реорганизуется сельское хозяйство. Поднимается культурность широких трудящихся масс. В недалеком прошлом — угнетенная, забитая, отсталая страна ныне решительно и уверенно шагает к светлому будущему социалистического общества, не знающего ни угнетенных, ни угнетателей, ни эксплуатируемых и ни эксплуататоров.

Вся эта работа, характера и размаха которой не знает еще история человечества, приводит в бешенство капиталистов и помещиков всех стран и их приспешников, видящих собственную гибель в поступательном движении советских республик вперед. Международный капитализм усиливает свое давление на пролетарскую революцию, организует единый фронт против Союза ССР и «отечественных» рабочих. Внутри страны, на фоне общего подъема производительных сил кулачество, нэпманы и некоторые люди ранее привилегированных специалистов сильнее дают о себе знать то в скрытой, то в более или менее открытой форме — на хлебозаготовительном участке, в кабинете вредителей или еще где-нибудь на широком поприще социалистического строительства.

Дальнейший культурно-экономический подъем страны и общее обострение классовой борьбы осложняют задачи рабочего класса и его партии в СССР. Дело строительства социализма есть дело миллионов масс трудящихся страны.

Не случайно XV съезд партии определил нынешний период как «период исторической полосы, задачей которой является постепенное вовлечение всего трудящегося населения в работу по управлению государством».

Общезвестны слова Ленина о том, что каждая курака должна уметь управлять страной.

На VII съезде ВКП (б) Ленин в своем докладе дал на этот счет четкую директиву: «Социализм не может ввести партийное меньшинство. Его могут ввести десятки миллионов, когда они научатся все делать сами».

В обращении ЦК о самокритике сказано: «Задачи реконструктивного периода не могут быть решены без самого смелого, самого решительного, самого последовательного вовлечения масс в дело социалистического строительства, проверки и контроля со стороны этих миллионов масс всего аппарата, его очищения от негодных элементов».

Самокритика — это метод мобилизации тысяч и миллионов для активной борьбы с бюрократизмом, с конкретными носителями зла, со всеми врагами рабочего класса. Самокритика — это форма действительного участия тысяч и миллионов в повседневной огромной работе по строительству социализма. Самокритика — это творческая инициатива широчайших масс трудящихся, это живой контроль рабочих и крестьян, это самопроверка сил пролетариата. Тов. Сталин на последнем съезде ВЛКСМ напомнил, что в истории «самые большие армии гибли оттого, что они зваливались, слишком много верили в свои силы, слишком мало считались с силой врагов, отлаивались спячке, теряли боевую готовность и в критическую минуту оказывались застигнутыми врасплох».

Поэтому каждый пролетарий, каждый трудящийся должен быть на-чеку, он должен знать соотношение классовых сил и всячески укреплять завоевание Октября. Рычагом же этой борьбы должна быть самокритика.

Пролетарское студенчество, ко сожалению, до сих пор еще почти ничего не сделало для развертывания самокритики в своей среде. Августовский пленум ЦКК (с. г.), подводя первые итоги самокритики, отметил, что она, самокритика, недостаточно еще развита, несмотря на имеющиеся уже известные достижения. Пленум дал директиву дальнейшего последовательного и смелого развития самокритики.

То обстоятельство, что самокритика еще не коснулась студенчества, может найти некоторое объяснение в том, что обращение ЦК партии появилось в самом начале июня, когда студенчество целиком было поглощено заботами конца академического года — экзаменационной сессией, переводом, выпуском и т. д. Потом уже начались летние каникулы, то есть студенты в огромном большинстве оставили стены вузов и отправились — кто домой, кто на практику, а кто и в экскурсию. Теперь, в связи с началом учебного года, первым долгом нужно сосредоточить внимание студ-организаций и самого студенчества на организации

самокритики. Даже самые злободневные вопросы студенческой общественности не должны быть разрешаемы без контроля, критики и активного участия масс. Проверка нового приема, вопросы стипендиальных, жилищные и другие, в текущем учебном году не могут быть разрешены посторую, аппаратно, внутри прадлений, деканатов, исполбюро и профкомов. Сама студенческая масса должна в этом принимать живое участие. С первых же дней учебы надо и в стенах высшей школы развязать самокритику.

Неправильно, что на учебе, в школе самокритике нет места. Настроения, на которые указывал В. Бакин на пленуме ЦКК, не только антипартийны, но и абсолютно лишены какого бы то ни было основания. Он указывал, что некоторые хозяйственники, напуганные самокритикой, стараются увильнуть от практической работы, итти на учебу, попасть в Промакадемию, где можно прожить без всякой самокритики. В корне неверно, что в учебных заведениях можно прожить без самокритики.

Генеральный смысл июньского обращения ЦК в том и заключается, что в СССР не должно быть ни одного участка социалистического строительства вне и сверх контроля и самокритики масс. А работа высшей школы, проблема подготовки красных специалистов—актуальнейшая и важнейшая задача партии и рабочего класса. Наконец в самом обращении о самокритике мы находим указание на то, что необходимо с величайшей энергией поставить и разрешить также и задачу «создания кадров действительно обученных, знающих и квалифицированных работников,—создания новых специалистов, безусловно преданных советской власти,—создания новых красных специалистов из людей рабочего класса,—создания интеллигенции рабочего класса, вовлечения уже имеющихся квалифицированных кадров пролетарской интеллигенции в советский, хозяйственный и кооперативный аппарат».

В развитие же этого пункта в обращении ЦК Комсомола мы находим прямое указание на то, что «учащаяся молодежь должна с помощью самокритики оздоровить обстановку и работу в школе». Ясно, что и в академии нельзя прожить без критики. Студенческие организации—партийные, профессиональные и комсомольские—должны немедленно максимально развернуть беспощадную, последовательную и здоровую самокритику студенческих масс. Первым организованным мероприятием в этом направлении должно явиться широкое обсуждение на студенческих собраниях июньского обращения ЦК партии и последующего обращения ЦК Комсомола о самокритике. Каждый студент—партиец, комсомолец и беспартийный—должен ознакомиться с указанными обращениями. Одновременно студенческая печать на местах должна начать свою работу под знаком самокритики. Студенческие руководящие органы (исполбюро и другие) должны твердо усвоить, что критикобольная и массобольная только дискредитируют их перед студенчеством. Если же они вадумают обойти молчанием самокритику или по инертности просто позабудут о ней, то сами массы пролетарского студенчества должны развернуть самокритику, снася эти «лакированные» учреждения и организацию новое, достойное руководство.

Студенческие массы должны знать, что самокритика не является очередной партийно-советской кампанией или модным увлечением, которое если еще не прошло, то обязательно пройдет к зимним каникулам. Нет, это—метод работы большевиков. Еще в 1904 году,

когда шли ожесточенные споры внутри российской социал-демократии, Ленин писал в своей брошюре «Шаг вперед, два назад», что пусть противники марксистов «злорадствуют и крикуются, наблюдая наши споры; они постараются, конечно, выдвигать для своих целей отдельные места моей брошюры, посвященной недостаткам и недочетам нашей партии. Русские социал-демократы уже достаточно обстреляны в сражениях, чтобы продолжать, вопреки им, свою работу самокритики и беспощадного разоблачения собственных минусов, которые непременно и неизбежно будут превзойдены ростом рабочего движения. А господа противники пусть попробуют представить нам картину действительного положения дел в их «партиях», хоть отдаленно приближающуюся к той, которую дают протоколы нашего второго съезда» (т. V, стр. 307).

Далее, Ленин в своей деятельности неоднократно призывал к самокритике и беспощадному разоблачению собственных минусов. Это он в самых трудных условиях 1918 года решительно призывал к «травле негодного», к деловой, истинно революционной войне с конкретными носителями зла.

После Октябрьской революции Владимир Ильич неоднократно останавливал внимание партии и рабочего класса на проблеме самокритики, считая ее вопросом жизни и смерти для серьезной политической партии и диктатуры пролетариата. Так, в 1920 году в книжке «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» он писал: «Отношение политической партии к ее ошибкам есть один из важнейших и вернейших критериев серьезности партии и исполнения ею на деле ее обязанностей к своему классу и к трудящимся массам. Открыто признать ошибку, вскрыть ее причины, проанализировать обстановку, ее породившую, обсудить внимательно средства, испривить ошибку,— вот это признак серьезной партии, вот это исполнение ею своих обязанностей, вот это—воспитание и обучение «класса, а затем и масс» (т. XVII, стр. 147).

В 1922 году на XI съезде партии Ленин снова резко поставил вопрос о самокритике. «Пролетариат не боится признать, что в резолюции у него то-то вышло великолепно, а то-то не вышло. Все революционные партии, которые до сих пор гибли, гибли оттого, что зазнавались и не умели видеть, в чем сила,—они боялись говорить о своих слабостях. А мы не погибнем, потому что не боимся говорить о своих слабостях и научимся преодолевать слабость» (т. XVIII, ч. 2, стр. 59).

Вот теоретическое обоснование принципа самокритики, которое мы находим у нашего вождя. Оно безусловно свидетельствует о том, что самокритика, которая развивается теперь в широких трудящихся массах, не есть временная кампания, а является специфической чертой большевистской политики. Она—органическая форма совместной работы, борьбы и строительства авангарда рабочего класса—рука-обруку с миллионами рабочих и трудящихся. Тем более она не может служить признаком слабости советской власти, как это хотят понимать в свое утешение враги рабочего класса. Им, воспитанным в условиях буржуазной «свободы», всякая более или менее смелая критика мерещится как правительственный или парламентский кризис.

Даже наиболее трезвые буржуа, которые открыто смотрят на развитие Советской страны, считают нашу самокритику лишь «курьезным аспектом советского пе-

чати". Им действительно трудно понять рабочую демократию. Американский обозреватель советской жизни пишет к себе домой: „Вы, наверное, нигде не найдете правительственных газет, которые уделяли бы так много места критике правительства. Даже находясь в Москве, журналисты склонны думать, что положение хронически безнадежно, пока они не причуются к этому курьезному аспекту советской печати. Между тем режим существует и укрепляется с каждым днем“.

Он, этот американец, не ошибается. Советский режим существует и будет существовать, укрепляясь „с каждым днем“. А самокритика будет одним из орудий пролетариата в борьбе за СССР, за социалистическое строительство.

Последний пленум ЦК, подытоживая работу по самокритике, констатировал ряд ошибок и недочетов в деле развития самокритики. Пролетарскому студенчеству, только что начинающему разворачивать самокритику, необходимо учесть эти минусы, чтобы не повторять ошибок других. При обсуждении обращения ЦК обязательно нужно проработать и постановление третьего пленума ЦКК от 29 августа с. г. (см. „Правду“ от 2 сентября), в основном сводящееся к тому, что директива партии о самокритике еще далеко не стала центральным лозунгом дня, что в дальнейшем нужно смелее и последовательнее развивать самокритику и вовлекать в нее широкие пролетарские массы, преодолевая критикобоязнь и всяческие стремления к ограничению самокритики. Если студорганizations, руководствуясь этим решением ЦКК, возьмутся за решительное и безбоязненное проведение в жизнь обращения ЦК, то все трудности в деле подготовки новых специалистов можно будет преодолеть легче, реализация партийно-советских директив по работе вузов и советского студенчества будет обеспечена целиком.

Что практически означает самокритика в вузовских условиях?

Остановимся только на основных моментах.

1. Обеспечить полную свободу внутрипартийной, комсомольской и профсоюзной критики среди студентов, решительно борясь с пришиванием ярлычков и уклонов. Создать такую атмосферу в вузах, при которой каждый студент, которому дорого дело рабочего класса, свободно и легко мог бы критиковать работу студорганizations и академгородов, разоблачать неурядицы и безобразия, „незавира на лица“.

2. Обеспечить полное проведение партийной, профсоюзной и комсомольской демократии в соответствующих студорганizations, что значит в первую очередь проведение полной выборности и отчетности студенческих руководящих органов. При этом абсолютно должно исключаться существование „лакированных“ или отгороженных от масс исполбюро и профкомов. Студорганizations должны иметь реальное право сменять любое бюро, любой комитет, любое руководство и в любое время. Руководящие органы должны работать под постоянным контролем студенческих масс. Не студенчество — для бюро и комитетов, а бюро и комитеты — для студенчества.

3. Обеспечить полное внимание студенческих организаций к общественно-политическому воспитанию студенческих масс и к созданию условий для повышения специальной квалификации студенчества с широким вовлечением беспартийного студенчества (особенно его пролетарской части) во всю их работу

согласно решению пленума ЦК ВКП (б). На студорганizations это налагает обязательство упорядочить общественную работу и за счет ее количества поднять качество. Отдельно выдвигается вопрос о широком вовлечении беспартийных студентов в практическую работу руководящих студорганов с обеспечением им активной роли в этих организациях.

4. Обеспечить общесоветско-политическую и идеологическую связь студенчества с рабочим классом и его организациями. В частности, расширить вовлечение студенчества в работу вне вуза, по возможности на родственных по специальности предприятиях, на работе в производственных совещаниях и пр. Развивать привлечение студентов к работе в органах РКИ. Вся эта работа не должна мешать учебным занятиям (пленум ЦК).

5. Обеспечить активное участие широких слоев студенчества в рационализации работы высшей школы, в установлении органической и постоянной связи вузов с промышленностью и народным хозяйством вообще, в пересмотре учебных планов и программ и других мероприятий по подготовке молодых специалистов, действительно стоящих на уровне достижений мировой науки и техники.

6. Обеспечить реальную борьбу студенческих масс за новую культуру, за здоровый быт, за организованную учебу против расхлябанности, мещанства, обывательщины, распущенности и обломовщины в быту и учебе.

Вот узловые моменты студенческой действительности, вокруг которых, нам кажется, может и должна развернуться творческая и беспощадная самокритика широких студенческих масс. Конечно, многообразие и богатство вузовской жизни, студенческого быта и общественности не могут быть целиком охвачены указанными здесь соображениями. Мы этой задачи себе и не ставили. Нам хотелось только показать, что для самокритики и в вузах есть уйма конкретных задач, разрешение которых в наши дни немисливо без творческой самостоятельности самих студенческих масс.

Некоторые товарищи попытаются и студенческую самокритику ограничить, выхолощают и вводят в определенные цензурные рамки: что „можно“ критиковать и чего „нельзя“. Как это ни странно, в студенческих органах встречаются матерые бюрократы, которые всеми правдами и неправдами безусловно будут вести борьбу против массовой критики их работы. Некоторые из них прибегнут даже к репрессивным мерам. Мы знаем случаи из совсем недавнего прошлого, когда один из руководящих межвузовских студенческих органов исключил студента из профсоюза за то, что она пошла против постановления этого бюро студентов. Потребовалось вмешательство краевой партийной газеты, чтобы защитить несчастную студентку от нападок вузовских бюрократов. Мы могли бы привести массу других примеров нашего внутривузовского бюрократизма, указать на студрабобников в чиновничьем мундире но задача — стави не в этом. Не конкретным разоблачением мы сейчас занимаемся, — для этого найдутся время и место в другой раз, — а общими указаниями о том основном препятствии, с которым столкнется студенческая самокритика.

Нужно беспощадно бороться с попытками регламентировать нашу самокритику. В высшей школе не может быть здоровой обстановки для осуществления партийно-советских и профсоюзных директив по подготовке красных специалистов, если самостоятельность

и инициатива масс будут обузданы студенческими чиновниками, если массы будут находиться под контролем этих „вождей“. Августовский пленум ЦКК постановил привлечь „к самой суровой ответственности лиц, которые или сами преследуют или допускают преследования за самокритику“.

Следует обратить внимание на то, чтобы самокритика не превратилась в „разговоры в пользу бедных“: „Да пусть там себе забавляются самокритикой, мы, мол, свое дело и сами знаем“. Каждое деловое замечание студентов, любое практическое предложение и критическое указание должны найти самое внимательное, чуткое и товарищеское отношение со стороны руководящих органов.

Недостатки самокритики не могут служить мотивом для оправдания недооценки значения самокритики или стремления сузить критику. Всякая живая работа допускает ошибки. Ошибки будут и в проведении самокритики. Ленин еще в 1920 году в речи о свободе критики на Московской губконференции говорил: „Такой гигантский переворот не мог обойтись без этого сора, без этой, не всегда отличающейся чистотой, пены“. Пена будет и в студенческой самокритике. Но пройдет она в процессе самостоятельности масс и критической работы.

В заключение хотелось бы остановиться на первоочередной роли в проведении самокритики в вузах комсомола и студпечати. ЦК ВЛКСМ в своем обращении отмечает, что „пролетарская самокритика, как способ революционного воспитания масс, как неотъемлемое средство подъема и улучшения нашей работы, о особое значение имеет для комсомола. Именно комсомол должен так построить (и перестроить) свою работу, чтобы каждая ячейка, осознавая стоящие перед ней задачи и яростно взявшись за их разрешение, иля в ногу с широкими массами, вела бы их вперед, неуклонно проводя на деле лозунг самокритики“.

Эта директива должна стать руководящей линией для вузовского Комсомола. Комсомол должен шагнуть в авангард в борьбе за самокритику, за самостоятельность масс.

Значительную роль в самокритике в вузах будет играть и студпечать. Советско-партийные газеты уже показали, что печать в развернутой самокритике имеет большое значение. Нужно добиться того, чтобы и вузовская печать — студенческие журналы, газеты и стенгазеты — стала сильным орудием самокритики в руках учащейся молодежи. Вузские газеты должны стать подлинным массовым органом студентов, куда они могли бы обращаться по каждому интересующему их вопросу. Нужно поднять качество этих газет, нужно усилить их активными работниками — партияцами и — обязательно — беспартийными. Причем сама газета должна быть изыята из-под опеки и опеки студенческих комитетов, контролирующих и „согласовывающих“ печатаемый материал в качестве каких-то

цензоров. Должно быть усилено общее партийное руководство студпечатью — руководство, которое могло бы обеспечить проведение директив центральных партийных органов в области печати на местах, но отнюдь не вмешиваться в каждодневную работу редколлегии и газеты.

Из опыта самокритики общей печати студенческие газеты могут кое-чему поучиться, чтобы с первых же номеров текущего учебного года поставить у себя самокритику правильно. Соответствующее постановление ЦКК гласит: „Необходимо добиться полной проверки того, насколько устранены неточеты, разоблачаемые печатью, причем такую проверку делать не только через органы РКИ, которые не сумеют охватить всего количества заметок, а проверять через производственные комиссии, контрольные комиссии предприятий, „легкую кавалерию“ рабочей молодежи, секции РКИ советов. Необходимо регулярно устраивать совещания газет с работниками и работниками стенных газет предприятий для обсуждения мероприятий по устранению конкретных неточетов, выявляемых рабочими через печать.“

Все руководители учреждений и предприятий обязаны своевременно принимать меры к выяснению и устранению неточетов, разоблачаемых печатью, и о результатах сообщать редакциям газет.

Ведя борьбу с бюрократическими отписками и лжеопровержениями, поступающими от руководителей хозяйства и администраторов, необходимо, в тех случаях, когда допущены ошибки в помещении неверных фактов и ошибочных заметок, давать место в печати опровержениям.

Усилить освещение положительных фактов нашего строительства, не выделяя этой работы специально, но и не отрывая ее от разоблачений. При освещении положительных сторон нашего строительства надо изгонять казенный оптимизм в оценке описываемых достижений. При этом надо также обратить внимание на тщательный выбор положительных фактов, давая примеры подлинно хорошего и доказывая на этих примерах, какими путями можно добиться улучшения нашей работы, продвижения вперед“.

Вот основные мысли о студенческой самокритике. Вузовская работа, то есть подготовка красных специалистов, является в общей системе советского строительства одной из центральных проблем. Июльский пленум ЦК партии нашел, что эта работа есть одна из важнейших задач партии и рабочего класса. Пролетарское студенчество и его организации должны приложить все усилия, чтобы рационализировать подготовку молодых специалистов, обеспечить народному хозяйству высококвалифицированных работников, созидательных участников строительства социализма. В этой работе первое место должно принадлежать самокритике. Каждый студент, критикуя, должен создавать и учиться — и создавая и учась, критиковать работу студорганizations и вузов.

А. САМАРИН

О ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ПРАКТИКЕ

Решения июльского пленума ЦК ВКП(б) со всей остротой поставили перед вузами вопрос о связи их работы по подготовке специалистов — с промышленностью. Такая же задача поставлена перед остальными вузами, готовящими специалистов для других отраслей народного хозяйства.

Одним из главнейших звеньев этой связи является производственная практика студентов. Как сейчас обстоит дело с проведением этой практики?

Предварительные итоги этого года говорят за то, что на большом числе предприятий производственная практика протекает ненормально. К числу недостатков следует отнести: непригодность программ вузов к работе на соответствующих предприятиях, отсутствие руководства работой практикантов, непонимание задач практики администрацией предприятий и др. При детальном изучении всех ненадгод практики можно прийти к выводу, что значительная часть недостатков проведения практики обусловлена отсутствием связи между вузами и предприятиями. Вуз не знает, что нужно предприятию, не знает задач, стоящих перед предприятием и его отдельными ячейками — с одной стороны, а сами работники предприятий не знают задач вуза — с другой. На основе этих итогов года (хотя и предварительных) мы должны будем подвергнуть обсуждению мероприятия на ближайшее будущее.

В первую очередь необходимо каждому учебному заведению разработать систему производственного обучения студенчества, чего не сделано до сих пор в большинстве вузов. Производственное обучение студента должно складываться из ряда звеньев, расположенных в строгой последовательности и находящихся в тесном взаимодействии с теоретическими курсами, которые прорабатывает студент. Каждое звено в системе производственного обучения должно закрепить собою ряд теоретических дисциплин, которые студент изучил. К числу этих звеньев нужно отнести работу студента в лабораториях и мастерских вуза, экскурсии и производственную практику.

Производственная практика помимо закрепления теоретических знаний даст возможность студенту войти в жизнь предприятия, ознакомиться с его экономической структурой и всеми процессами производства. Для этих целей нужно посылать студента, имеющего уже достаточную теоретическую подготовку, на более или менее длительный срок. Каждый отъезжающий должен быть снабжен детальной программой и знать заранее, что он должен будет делать на предприятии. Этого сейчас нет.

Мы встречали студентов-дипломников, ехавших на практику и приезжавших на заводы, которые уже год не работали, т. е. студенты не имели никакого представления о заводах, на которые они ехали, не имели представления, чем живут эти заводы, в то время, когда они брали на них путевки.

Бывали случаи, когда специалист по двигателям

внутреннего сгорания приезжал на завод, где ни одного такого двигателя не было, а были лишь паровые машины.

Нечего говорить, что значительная часть программ, которыми снабжали вузы студентов, совершенно не приспособлена к работе на соответствующих предприятиях.

Задачей текущего дня является работа по установлению действительной связи вуза и предприятия по вопросам проведения практики. Обязательно нужно добиться того, чтобы программы практики были выработаны вузом и предприятием совместно. Что для этого нужно? Нужно, чтобы сейчас же, в самом начале учебного года было выявлено, сколько студентов пошлет вуз на предприятие, какую он даст им программу. Посылка (определение специальности) и разработанная программа должна быть обсуждена инженерно-техническим персоналом предприятия. Только в этом случае мы будем иметь гарантию, что работа студента на предприятиях заранее предусмотрена, что она может быть учтена и включена в общий производственный план предприятия, а следовательно, и обеспечена надлежащим руководством со стороны инженерно-технического персонала.

Помимо этого нужно сейчас же после возвращения с практики студентов начать изучение проведения практики в истекшем году. С этой целью необходимо в первую очередь поставить перед учебными органами вузов вопрос о необходимости созыва конференций практикантов. При организации этих конференций нужно поставить задачу обсуждения на них не только «итогов практики» (вообще), а более тщательное изучение ее постановки по отдельным специальностям; например, целесообразен созыв конференций — отдельно теплотехников, текстильщиков, металлургов-цветников, металлургов-мартеновщиков и т. п. На эти конференции помимо профессорско-преподавательского персонала желательно привлечь представителей профсоюзов и хозорганов отдельных предприятий. Помимо этого необходимо организовать выставки отчетов о практике с подробными отзывами учебных органов. Это даст возможность студенчеству ознакомиться с порядком составления самих отчетов, а также и с материалами, имеющимися в отчетах.

Можно было бы перед учебными заведениями выставить и целый ряд других задач, которые могли бы урегулировать дело практики. Но это будет повторением уже сказанного ранее в разных местах и на разных совещаниях. Вся беда в том, что эти решения не выполняются, что в большинстве случаев практика рассматривается еще, как какое-то постороннее включение в работу вузовского организма. Прямо чувствуется, что будто бы в протоплазму вузовской «академической» ткани попал железный осколок — производственная практика — и не может быть ассимилирована этой тканью.

Этого не должно быть. Нужно заставить вузы вплотную заняться этим делом. Здесь мы подходим к вопросу о персонале.

В большинстве вузов органическая работа по производственной практике не ведется. Вся работа (грубо) сводится к распределению мест и проверке отчетов. Людей, которые бы серьезно разработали вопросы практики — нет. Нужно в каждом вузе немедленно создать кадр людей, которые бы делом практики занялись всерьез.

Увязка практики с теоретическим обучением, установление связи с предприятиями, учет результатов этого года, создание кадра профессоров и преподавателей, занимающихся постановкой практики изо дня в день, — задачи текущего дня.

СНОВА О КИНОФИКАЦИИ

ОТ РЕДАКЦИИ

В прошлом учебном году «Красное студенчество» провело кампанию за кинофикацию вузов. Смысл ее сводился к необходимости создания специальных учебных фильмов. Были организованы два диспута, которые единодушно признали своевременность и необходимость кинофикации преподавания.

Материалы кампании были сообщены Совкино и Главпрофобру, от которых, как известно, зависит практическое проведение кинофикации в жизнь. Главпрофобр прислал даже бумажку, в которой сообщал, что «резолюция, принятая на диспуте о кинофикации преподавания в вузах, рабфаках и техникумах, будет учтена при разработке вопроса о реализации плана производства культурфильма по заданиям отдельных главков Наркомпроса».

Совкино также официально обещало учесть резолюцию диспута при разработке своего тематического плана.

Словом, все обстояло прекрасно, и когда летом представитель ЦБ пролетстуда и редакции журнала был включен в состав художественного совета Совкино, — лучшего желать было трудно.

Тогда же на художественном совете Совкино обсуждались тематические планы художественных и культурных фильмов на 1928/29 производственный год.

Памятуя неудачу с первой студенческой картиной «Свой и чужие», план производства художественных фильмов компенсирует пробел, который до сих пор чувствуется в кинопроизводстве. К производству намечены следующие художественные картины:

1. «Проклятый ключ» — картина должна отражать влияние города на вузовцев, прибывших из деревни, и рисовать работу окончивших вуз на хозяйственном строительстве в деревне.
2. «Тысяча стовид» — фильм покажет жизнь современных вузов, студенчество на легкой практике.
3. «Рабфак» — жизнь и быт рабфаковцев и связь их с рабочей и крестьянской средой.
4. «Профессор Быстров» — в картине будет показана профессура высшей школы.

Наконец нашему представителю удалось включить в план еще две картины, одну художественную — «Новый спец» и одну хроникальную — «Наши вузы».

«Новый спец» должен дать молодого инженера на хозяйственной работе. В картине должны быть выведены положительные и отрицательные стороны.

Таким образом, судя по плану, в отношении художественного показа дело обстоит более или ме-

нее удовлетворительно. Зато с чисто учебными картинами положение на редкость плохое.

Куда делись благие намерения Совкино и Главпрофобра?

Наш представитель снова поднял вопрос о кинофикации преподавания. Пришлось начинать сначала: о диспуте, об анкетах, о пожеланиях и т. п.

Речь была встречена сочувственно, а один из крупных работников Совкино даже выразил согласие сейчас же включить в план темы, которые студенчество пожелает иметь.

Конечно, студенческий представитель никаких тем не назвал, он только предложил созвать специальное совещание из профессуры и других компетентных лиц от науки, так как только они могут заняться разработкой этих тем. В протоколе совещания было зафиксировано, что художественный совет поручает Совкино вырешить этот вопрос совместно с Главпрофобром и другими заинтересованными организациями.

Что же к сегодняшнему числу имеем мы по вопросу кинофикации преподавания высшей школы?

Ровно ничего. Главпрофобр и Совкино сыплют бумажками и постановлениями, «воз» кинофикации продолжает спокойно стоять на месте!

Это легкое отношение к делу кинофикации преподавания со стороны Совкино весьма показательно. Ведь фактически Совкино не возражает, но и не предпринимает ровно ничего. Мы не говорим уже о Главпрофобре, который вообще не удосужился выполнить своего письменного обещания.

Именно сейчас следует задуматься над тем, куда тратить силы и средства — на картину ли дерматовских времен с колоннами, кринолинами и балами (а такие в плане присутствуют) или дать пролетарскому студенту хороший учебный фильм, в котором он лучше всяких лекций и учебников увидит, каким изменениям подвергается металл при ковке, как происходит процесс питания растений или как прогрессирует та или иная болезнь.

Нужно сейчас же с начала учебного года поднять новую кампанию за кинофикацию преподавания в вузах, рабфаках и техникумах.

Еще раз — в поход на Совкино и Главпрофобр! В заключение «Красное студенчество» приглашает Главтуз ВСНХ и Цутранпрос НКПС со своей стороны также заняться вопросом кинофикации преподавания в высшей школе.

А. Ф. КОЙЛЬ

Америка обладает величайшими и богатейшими университетами в мире. Рабочих же университетов в Америке меньше, чем в каком бы то ни было другом государстве.

Каким же образом страна, которая может похвастаться университетами, имеющими в своей кассе по 30 и 40 миллионов долларов и накапливающими в своих стенах по 10 и 20 тысяч студентов, может обладать только одним рабочим университетом и двумя трудовыми школами для рабочих, с небольшими средствами или совсем без средств и с общим числом менее чем 200 слушателей?

Капитал в роли контролера науки.

Первым ответом на этот вопрос является тот факт, что американский капитал сильнее, а профсоюзное движение слабее, чем в других странах. Русские рабочие и студенты едва ли могут себе представить, как основательно контролирует капитал американские университеты. Я говорю об этом по опыту, потому что сам учился в двух крупных американских университетах. Один из них 20 лет тому назад стался своим либерализмом. Руководство политикой университета находилось в руках воспитателей, видных воспитанников и весьма немногих основателей. В настоящий момент руководителями состоят большей частью председатели банков, руководители так называемых «общественно-полезных» учреждений, железнодорожных управлений и других реакционных членов крупного капитала.

В течение последних десятилетий капитал окончательно поработил американские университеты. Если какой-нибудь из них пожелал бы иметь новых попоченцев, он выбирает их обыкновенно из среды богатых банкиров, адвокатов и промышленников. Причины такого выбора понятны: когда умирает подобный «пабоб», он обыкновенно за

тот почет, который ему оказали при жизни, завещает университету большие суммы. Я знаю людей, даже не умеющих правильно говорить и писать, людей, совершенно некультурных, которые становились часами попоченцев большими университетов благодаря единственному своему достоинству: способности накапливать миллионы долларов.

В цивилизованном обществе, рассматривающем наживу как главную цель человеческого существования, школы, газеты, церкви, правительство и даже профсоюзы подпадают под власть «всепогущего доллара».

Наказание профессора

Значительно большинство профессоров настроено либерально и идеалистически. Обладая большой культурой, они понимают возможность создания лучшего, более счастливого общества, больше того, — они и сами желали бы помочь создать его. Но большинство их боится говорить об этом, опасаясь потерять свое место. Они знают, что, прови они в самой ли школе или вне ее стен малейшие признаки радикализма — неприятностей, и весьма значительных, не оберешься.

Один из профессоров Горной академии для усвоения рабочего вопроса предложил своим ученикам прочесть «Коммунистический манифест» Маркса и Энгельса. Никогда не был он ни рабочим, ни профсоюзным деятелем, а был всего-навсего просто либерально настроенным интеллигентом, желавшим дать студентам некоторое понятие об экономическом учении Маркса. Но чтение «Коммунистического манифеста» студентами, желающими знать, как такое представляет собой рабочий вопрос, показалось контролером университета проявлением необычайного радикализма.

Даровитый молодой профессор английской литературы в одном из английских университетов запнулся штатов начал курс лекций в пользу нацизма. Лекции его читались не только не в стенах университета, но даже и не в учебное время — по вечерам или в праздники, т. е. в часы, свободные от занятий. Несмотря на

это, председатель университета поставил профессору ультиматум — или бросить свою антивоенную пропаганду или отказаться от профессорской кафедры. Молодой ученый вышел в отставку.

Месяц тому назад СССР посетил профессор большого южного университета, субсидируемого одним из миллионеров. Профессор этот был того мнения, что постоянные нападки на студентов-негров несправедливы и возмутительны. Профессор старался установить более дружественные отношения между белыми и черными студентами. Но это показалось председателю университета вредным радикализмом, вследствие чего профессор потерял место.

Сам собой разумеется, что профессор «не рекомендуется» в какой бы то ни было мере проявлять сочувствие организованным рабочим. Некоторые профессора получили отставку только за то, что открыто высказывались в пользу пролетариата. Другая за то же самое преступление, под тем или иным «благоприятным» предлогом явилась неожиданного понижения. Профессор Роберт Гогс из Чикагского университета (субсидируемого Рокфелдером), написавший книгу об американском профсоюзном движении, — книгу, являющуюся и по сей день лучшим руководством по этому вопросу, — за свои либеральные взгляды был наказан тем, что его заставили преподавать сразу в нескольких классах; профессор умер от переутомления.

Я знаю очень многих либеральных профессоров, втайне сочувствующих профсоюзному движению. Однако почти никто из них не может высказывать своих взглядов в лекциях.

«Золотые» студенты

Хотя в Америке осталось еще несколько университетов, плата за обучение в которых позволяет учиться и менее состоятельной молодежи, но теперь все явственное стремление к большему и большему удорожанию высшего обучения, которое, таким образом, становится доступным только и исключительно привилегированным

1 Альберт Ф. Койль — секретарь американской профсоюзной делегации в СССР, издатель журнала «Братство железнодорожных механиков», директор «Американо-европейского рабочего бюро путешественников».

классам. Только 4% детей, ходящих в американские школы, получают университетское образование.

Средний студент университета — это сын капиталиста, богатого купца или же представителя свободной профессии. Эти студенты никогда не входят в соприкосновение даже с самыми скромными радикальными идеями. Те из них, кто побогаче, принадлежат к каким-нибудь замкнутым студенческим корпорациям, главным предметом разговоров которых являются развлечения и спорт. Те же, кто читает серьезные книги и говорит об экономических и социальных проблемах, вычеркнуты из среды своих товарищей как «скудные педанты».

«Золотая» (или позолоченная) молодежь, конечно, не итнруется профессиональным движением и не сочувствует ему. В случае забастовки эти студенты добровольно выступают как штрейкбрехеры с целью «поддержать порядок», т. е., выражаясь определеннее, сломать стачку.

Точно так же образом студентов Оксфордского и Кембриджского университетов в Англии добровольно помогают консервативному британскому правительству: три года тому назад они помогли сломить генеральную забастовку. Но даже в Оксфорде и Кембридже есть сильные группы Рабочей партии социалистов и среди профессуры и среди студенчества. В Америке же рабочей партии вообще нет, немногие же и малочисленные группы либералов, существующие в наших больших университетах, чрезвычайно малодействительны и зачастую осмеиваются самими же студентами.

В двух или трех университетах радикальные студенты пытались основать группы Рабочей партии, но ни одна из этих попыток, конечно, не увенчалась успехом. Это значит, что некоторые студенты в настоящее время более прогрессивны, чем вожди американского рабочего движения, которые открыто противятся образованию Рабочей партии.

Рабочие вузы

В Соединенных штатах имеется более 800 высших учебных заведений, но только одно из них занято обучением рабочих: правда, кроме 4-го является еще две радикальные школы, примыкающие к рабочему движению.

Бруклайкская рабочая коллегия в кантонах под Нью-Йорком обязана своим возникновением не вождям рабочего движения, а двум радикальным священникам, Вильяму Финке и Э. Джо Мисту, которые покинули духовную службу с целью помочь рабочему движению.

Оба эти очные образованные человека перешли на сторону рабочих во время больших стачек. Они видели, что движение значительно проигрывает из-за недостатка образованных людей.

Один из них отдал свои деньги, земную собственность и всю свою жизнь для образования Бруклайкской школы; другой — создал всю организацию, состоя директором заведения.

Несмотря на то, что Бруклайк существует лишь несколько лет, его воспитанники уже разбросаны по главным центрам, распространяя в рабочей среде идеи движения. (Так, например, последние американская профсоюзная делегация в СССР насчитывала среди своих членов четырех бруклайкцев.) Эта школа, конечно, не пользуется поддержкой Американской федерации труда, представителя которой в настоящее время выступают против рабочего вуза, считая его слишком радикальным, несмотря на то, что по направлению своему он далеко не является коммунистическим.

Существующие рядом с Бруклайком Общественные коллегии (в горах Озарк и Арканзасе) и Народная коллегия Пококно (в горах Пенсильванского штата) так тесно связаны с рабочим движением, что практически являются почти рабочими вузами. Их руководители и преподаватели или активно работают в рабочем движении или горячо сочувствуют ему. Общественная коллегия более радикальна и социалистична, в то время как Пококно организована по образу Высшей народной школы в Дании (имеющей либеральный уклон и связанной с кооперативным движением). Обе последние школы находятся в весьма трудном материальном положении, так как в них учатся преимущественно дети рабочих и крестьян. Общественная коллегия в мае этого года чуть не была принуждена закрыться из-за недостатка средств, в то время как Пококно держится лишь благодаря материальным жертвам ее директора Сорена Матюссена и его жены. Ни одна из этих школ, конечно, не пользуется официальной поддержкой вождей рабочего движения.

Курсы

Около 25 городов Соединенных штатов обладают рабочим вечерними курсами, восшащим название рабочих коллегий. Они, однако, не обладают собственными помещениями и не претендуют на то, чтобы давать учащимся более или менее полное образование. И тем не менее эти курсы делают великое дело и являются многообещающими центрами для будущей организации Америкской рабочей партии. Сверх того большинство из них имеет некоторую поддержку местных профессиональных центров и часто (даже) пользуется местом в городских дворах труда.

В число их предметов обучения включены: политическая экономика, политика, обществоведение, история, профсоюзная организация, рабочая журналистика, а кое-где — курсы по литературе, психологии и искусству.

Все эти предметы преподаются «в социалистическом духе», и только одна рабочая школа Нью-Йорка носит ясно выраженный коммунистический характер.

Прогрессивные элементы американского рабочего движения должны были бы несколько больше заинтересоваться рабочим образованием. Что всего нужнее для американского рабочего в настоящее время, так это — образованные революционные вожди: положительные примеры и умных людей могли бы привлечь остальную массу из рядов Американской федерации труда на сторону боевой оппозиции и конструктивной программы. А такие вожди могут появиться только из двух источников: или из рядов тех рабочих, которые получат свой знания в рабочих коллегиях, или из рядов радикального студенчества, привлеченного к активному участию в рабочем движении путем образовательной работы на курсах.

Рост обеих тенденций является самым положительным моментом американского рабочего движения. Важным фактором этого роста являются экскурсии студенчества и профессуры в СССР.

В СССР

Потому-то две американские студенческие делегации, посетившие этой весной СССР, и вернулись исполненные новых идей и впечатлений. Несмотря на то, что делегации эти не дали таких широких отчетов, как две книги, опубликованные американской профсоюзной делегацией («Россия после 10 лет» и «Советская Россия во втором десятилетии»), отчеты их вызвали громадный интерес как в рабочем мире, так и среди либеральных студентов.

Группа американских профессоров, под руководством Джона Дьюи, посетила СССР летом 1928 года. Вторая группа — преподавателей, студентов, издателей и общественных работников, под руководством профессора Джо-Б. Матюсса из Ванлервильского университета и Кларенса В. Говель из Нью-Йорка — прибыла в прошлом месяце. Поездку последней группы нельзя назвать удачной, ибо советское студенчество осталось в стороне от приема приезжих гостей.

Третья группа американских студентов должна вскоре посетить СССР. Все они учатся в народной коллегии Пококно. Для того чтобы собрать средства на эту поездку, им пришлось успешно работать целый год.

Прием этой последней группы будет организован пролетарским студенчеством Союза, и оно несомненно встретит самую теплую встречу, получит правильное представление о культурном и социальном прогрессе СССР — о тесной связи этого прогресса с ростом рабочего движения всего мира. САСШ

„НОВЫЙ ПРИЕМ“.

Уполномоченный Государственного отдела Ветеринарии
Коллежского Регистратора и Делегата
и Ветеринарии и санитарии
Александр Александрович Подлер.

*Ваше письмо
получено
и будет
рассмотрено
в ближайшее
время
с уважением
А. Подлер*

МОСКОВСКИЙ ГУБЕРНСКИЙ ОТ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СОЮЗА СОВЕТСКИХ И ТОВАРИЩ. СЯ
РАБОТНИКОВ И СЛУЖАВЦЕВ
178, МОСКОВСКИЙ ПЕР. ДУХОВ. СТОЛ. 1

Служебная записка
№ 100
Ваше письмо
получено
и будет
рассмотрено
в ближайшее
время
с уважением
А. Подлер

Ваше письмо
получено
и будет
рассмотрено
в ближайшее
время
с уважением
А. Подлер

Ваше письмо
получено
и будет
рассмотрено
в ближайшее
время
с уважением
А. Подлер

АУДИТОР

А.К.

НОВЫЙ ПРИЕМ

С. З. КАЦЕНБОГЕН

САРАТОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Испытания закончились. Приемной комиссией и факультетскими подкомиссиями производится тщательный, кропотливый отбор, — взвешивается каждая деталь.

Наша страна нуждается в своих собственных специалистах. Без них невозможны ни реконструкция промышленности и сельского хозяйства, ни культурная революция.

И вузы все более и более пролетарируются. Из достояния кучки привилегированных наука становится достоянием трудовых масс.

В этом году из 1927 державших в Саратовский университет принято 672 человека: на факультет права и хозяйства — 152 человека, на педфак — 320 и на медфак — 200 человек.

В приеме настоящего года рабоче-крестьянская молодежь составляет 73%.

Женщины охотнее всего идут на медфак, где их зачислено из 200 человек 116, слабее всего на ФПХ — из 152 зачислено 27, и в несколько меньшей, нежели мужчины, доле на педфак — из 320 зачислено 143.

Всего из 672 студентов принято в университет 286 женщин.

Отдельные замечания.

Достаточно полно и в социальном и в академическом отношении укомплектовано новое угро-финское отделение, обслуживающее мордву, вотов и марийцев. Чрезвычайно мало использовали свою броню рабфаковцы, не заполнив значительного числа мест. Общий уровень подготовки в настоящем

году, несомненно, выше, нежели в прошлом году — рабоче-крестьянская молодежь успешно конкурирует с детьми специалистов и служащих, имеющих все возможности лучше подготовиться к испытаниям. Так, на медфак в настоящем году по физике выдержало детей рабочих 65,5%, детей крестьян — 63%, а в прошлом году — только 49%.

Однако в деле подготовки рабоче-крестьянской молодежи мы еще далеки от требований высшей школы. Здесь предстоит большая и упорная работа.

Правда, по сравнению с 1926 и 1927 годами мы достигли очень больших результатов в деле улучшения социального состава вновь принятого студенчества. В этом отношении значительный интерес представляет динамика социального отбора студенчества за последние три года.

В 1926 году на ФПХ было принято рабоче-крестьянской молодежи 49,7%, в настоящем году — 74%.

На педфак рабоче-крестьянской молодежи принято было в 1926 году 32%, в 1927 году — 45,7%, в настоящем году — 71,25%.

Процент принятых на педфак детей служащих понизился с 34% в 1926 г. до 4,4% в настоящем году.

Ту же картину улучшения социального состава наблюдаем и на медфаке. Рабоче-крестьянская часть принятых выросла от 55,5% в 1927 году до 75% — в настоящем.

Результаты приема доказывают, что существует диспропорция между емкостью вузов и числом желающих посту-

пить в них. За отсутствием мест ряд лиц, в социальном и академическом отношениях удовлетворяющих установленным требованиям, к сожалению, не могут быть зачислены. Они, несомненно, должны получить преимущественное право поступления в университет в будущем году. Не может быть терпимо в дальнейшем недостаточно серьезное отношение местных профессиональных организаций к делу подготовки в вузы рабоче-крестьянской молодежи.

Необходимо своевременно приступить к отбору рабоче-крестьянской молодежи, намеченной для поступления в будущем году в вузы, и организовать для ее подготовки соответствующие курсы. В частности такие курсы желательно открыть при госуниверситете в настоящем же году.

Чрезвычайно остро обстоит дело с материальным положением вновь принятого студенчества. Без достаточной поддержки местных организаций этого вопроса не разрешить. Число отпущенных Наркомпросом стипендий совершенно недостаточно. На 670 принятых в Саратовский университет студентов в общественных имеется только 40 свободных мест.

При невнимательном решении этого вопроса мы не сможем дать стране нужных ей специалистов, физически и морально здоровых и академически достаточно квалифицированных.

А. И. ИВАНОВ

1000

Кампания по набору коммунистов Московской организации для послыжки во вузы началась с 27 июля. Уже первые дни показали, что приток заявлений незначителен.

11 августа Бюро МК ВКП (б) заслушало доклад о ходе кампании и отметило ряд недочетов. Всем райкомам и укомам даны были указания: «создать вокруг набора коммунистов во вузы широкое общественное мнение и проводить отбор товарищей, отвечающих требованиям ЦК, не останавливаясь перед снятием с работы, если намечаемая изыскать желание пойти на учебу», — «на совещаниях секретарей ячеек сделать информацию о ходе работ по набору, об условиях поступления» и т. д.

В дальнейшем деятельность Райкомиссий усилилась и приступили к назначению кандидатов для послыжки во вузы.

Комиссия МК отобрала до 59% рабочих, но уже не 400 кандидатов, как было первоначально постановлено, а около 500 человек (по согласованию этого вопроса с ЦК).

В числе командированных входили главным образом товарищи, работающие на ответственной и руководящей работе в парт., проф., сов., хоз. органах, но были и тт., работающие непосредственно на производстве.

Значительное количество позавших заявлений во вузы в этом году не имели необходимой общеобразовательной подготовки, и бюро МК признало необходимым организовать

подготовительные курсы для поступления во вузы в будущем году.

Если кто из командруемых и имел среднее образование, то честно и искренно признавался, что испытания не выдержит, если не будет дано времени на подготовку. Были случаи, когда товарищи не уяснили себе всей серьезности требований в отношении общеобразовательной подготовки: так, подавая заявление во вузы, они и понятия не имели ни об алгебре, ни о геометрии, ни о тригонометрии и т. д.

Было, например, много случаев, когда не окончившие рабфака приходили в комиссию и просили направить их во вузы.

Уже первые дни испытаний во вузах показывают, что многие товарищи не имеют достаточной общеобразовательной подготовки. Из числа посланных 70% составляли рабочие.

Партия поставила себе задачей ускорить темп подготовки красных специалистов и выдвинула из своей среды 1000 лучших из лучших. Студенческая среда должна принять этих товарищей как своих соратников и оказать им товарищескую поддержку.

Посылаемые коммунисты волеют в жизнь студенчества и вузов свежую пролетарскую струю и усилят идеологическую сплоченность среди будущих красных специалистов.

Б. ВАЙНЕР

ГДЕ ЖИТЬ, ГДЕ УЧИТЬСЯ

Как и где будут жить приезжающие в город студенты-пролетарии?

Только в конце августа начал отпускаться средства на ремонт общежитий. Совнарком РСФСР отпустил 443 тысячи на ремонт старых общежитий и 50 тысяч для обеспечения жильем студентов нового приема.

В Москве под общежития отведены помещения некоторых фабрик, но и этого мало до смешного: «мяснисько», что не менее двух тысяч студентов все еще без квартир.

Многочисленные постановления о предоставлении студентам жилищ пока еще остаются на бумаге: московские техникумы в большинстве случаев могут удовлетворить общежитиями только 50%, — некоторые из них не имеют ни одного свободного места.

В других городах не лучше.

Свердловский обласком отпустил 35 тысяч рублей, — этого хватит на удовлетворение жилищем полустудии вузовцев. В Иваново-Вознесенском педагогическом техникуме ожидается 130 человек, мест в общежитии (как и в текстильном техникуме) ни одного. Все это не может не повлиять на социальный состав этих заведений, так как студенты-пролетарии, не имея квартир, вынуждены будут уехать обратно. Саратов удовлетворял общежитиями только 26%. Тысячи студентов ютятся по углам, проходам коридоров и кухням. Новгород передал под общежития помещения инвального дома и помещения клуба лото ДТК. В Тифлисе отпустили 10 тысяч рублей на ремонт здания общежития. Будут отведены помещения в муниципализированных домах и все же общежитиями можно будет удовлетворить только 40% нуждающихся.

Как были израсходованы отпущенные средства еще полностью сказать нельзя, хотя частичная картина — уже налицо.

В Москве, например, только в этом году выстроено общежитие на 220 человек для института Либкнехта. Затрачено больше двухсот тысяч рублей и вот результаты: штукатура обвалилась, в комнатах — густой запах сырости, новые полы необходимо перестилать, двери выскакивают из рам, из 48 комнат по заключению врача 28 непригодны для жилья. Нет ни уборных, ни умывальников. Котельная на 30 сантиметров затоплена грунтовой водой, — котлы, 4 месяца находившиеся в воде, заржавели.

Все это — в результате недопустимой халатности техников-строителей и Наркомпроса, который не смотрел за постройкой.

А вот и знаменитый Гальяновский приемник. В дни экзаменов здесь в комнатах находилось по 150 человек.

Однажды здесь случилось так. Надоело студентам жать и мучиться. Снарядили оци делегацию в ОБУ. Это было перед новым приемом. Пошла делегация в Наркомпрос к одному из ответственных работников ОБУ.

— Вы что, из Гальяновки? — Нет, нет. Мне сейчас некогда. Обратится к помощнику.

Да послушайте, товарищи... Нам о новом приеме надо поговорить.

— Я никакой Гальяновки не знаю и знать не хочу, — был ответ.

На Гальяновку смотрят с презрением, как на почтовый дом для «иници». Гальяновка же такого отношения совсем не заслужила: здесь живут будущие красивые специалисты: тут и из МВТУ, и МГУ, и будущие агрономы и много других.

СТРУЖКИ НА ВЕРСТАКЕ

I. В приемной по болезням

Пиджани и толстовцы перемешались с байковыми кофтами и темными жакетами. Стоят группами и в одиночку, стоят потому, что сидеть давно уже негде: все скамейки, подоконники и столы густо заполнены пришедшими „с утра пораньше“. Тихошко прохаживаются по длинным коридорам Наркомпрома и, может быть, в сотый раз читают на двери комнаты № 245 жуткое объявление:

ВСЕ МЕСТА В МОСКОВСКИЕ И ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ВУЗЫ
ЗАПОЛНЕНЫ. ПРИЕМ ЗАЯВЛЕНИЙ ПРЕКРАЩЕН.

Центральная Приемная Коллегии.

Фактически прием уже закончился. Принятые давно объявляются необходимым студенческим инвентарем, а те, которым не повезло, развлеклись по домам до следующего года.

Но... есть неспокойные люди. Они не уймутся до тех пор, пока не используют всех путей и лазеек к высшей школе. Это они заходят в длинные наркомпромовские коридоры, напоминая собой какие-то стружки от тщательно обструганной вещи.

Тихошко переговариваются в группах и все об одном и том же:

— Если не пошлют, останусь в Москве. Ей богу останусь. Работать буду, — басит здоровенный детина в толстовке.

Высокый моряк ругается втихомолку:

— Да как же! Губино на месте откажет. Приехал сюда, — а тут вошлись, вошлись да и сказали: поезжайте-ка домой. Мы наше дело переслали в Губино на пересмотр. — Разве это порядки?

Двери, у которых толпится народ, закрыты. В одной из комнат заседание комиссии. Наиболее любопытные поглядывают в замочную скважину.

— Ну как, скоро? — спрашивают другие.

— А чорт его знает. Накурено там, ничего и не видно.

У одной из дверей оживленно беседует группа товарищей с усами, бородами, а иногда и с лысыми. Это — партия, командированные во вузы в счет „1000“. Народ энергичный, живой. Они то и дело хватают за рукава шныряющих по коридору сотрудников Наркомпрома и удивляются:

— Неужели тут надо торчать до 2-х часов лишь для того, чтобы узнать свой вуз?

На дверях белые листки бумаг, тут записываются в очередь. Быстро растет серый столбик с порядковыми номерами и фамилиями. 50... 60... 100... 140...

Лица в большинстве серьезные, уставые. Не потому ли длинный коридор с шеренгой закрытых дверей похож на больницу?

Каждую минуту прибывают новые люди, жаждающие науки.

2. За закрытой дверью

И опять как в больнице.

По одному входят за закрытую дверь. Там за большим столом стриженный человек в очках. Курит папиросу за папиросой и быстро, как машина, даже не глядя на посетителя, четко отвечает на вопросы. Часе всего слышно нервное:

— Да что вы приходите сюда. Присыпалось? Так в чем же дело? Идите в апелляционную комиссию, только дело безнадежное. У нас три тысячи отлично выдержавших испытание, но не принятых за отсутствием мест.

— Более надежные настаивают.

— Пусть переспросит меня, ведь я уверен в своих силах. Я...

Потом, безнадежно махнув рукой, уходит.

Вот представитель „прочих“. За скромной толстовкой предательски выглядывает модный пудвер и элегантный галстук. Его не принимают. Он испробовал все. Теперь у него последняя надежда.

— Нельзя ли... в качестве вольнослушателя?

Хоть как-нибудь да прилепиться к науке. Напористые эти самые „прочих“.

Взрослая партияка срывается о восстановлении ее в университете. От учебы годы революции оторвали. Теперь она хочет докончить мелобразование.

Вот наценка, огорченная тем, что ее даже с командировкой не зачислили. Оказывается, и командировка плохо помогает, если слабы знания.

В кабинет выстает серая пенка.

— Меня не приняли... Все экзамены сдал... Четыре года физического труда... — говорит быстро, волнуется.

Человек в очках, посмотрев документы, успокаивает.

— Будете приветствовать товарища, успокаивает.

Поминутно звонит телефон над ухом невозмутимого человека за столом. Так же быстро отвечает и потом, закуривая новую папиросу, недовольно бросает:

— Звонят, как в справочное бюро. Спрашивают о чем угодно...

Какой-то юркий человечек просит перевести его по роду болезни в один из вузов севера. Когда ему обещают, внезапно выясняется, что севером у этого человека считается... Москва.

Москва привлекает многих. В Москве, говорят, легче учиться.

Много их приходит за день. Сын политкорянина, педагог, демобилизованные и „прочие“, прочие — без конца...

Быстро получают ответы, но в коридоре не убывают. Одни уходят удовлетворенные с планами на будущее, другие тихошко ругаются. Третьи примиряются с мыслью о том, что еще год придется жать, а там, может быть...

Коридор шумит. „Старший“ выкрикивает за дверью очередные номера — семнадцать шестой... сто сорок пятый... Человек в очках олимпийски спокоен, он только еще больше курит.

3. Нашествие „галлов“

В комнату входит гражданин в вязаном костюме. Не говоря ни слова, она протягивает конверт.

— Вот полюбуйтесь, — человек в очках протягивает мне эту записку.

— Дорогой тов. Куприянов!

Нельзя ли устроить мою знакомую... сделайте пожалуйста... Это Вам не трудно. Подпись... неразборчива много их.

— Вы понимаете, — говорит человек в очках, — восемьдесят человек из ста приходит с подобными записками. Пишут, кому не лень. Обижене всего, кто просит за тех, кто даже не имеет права на поступление. Рабочие тут не попадают, они приходят и говорят сами за себя. А эти... Вы посмотрите, сколько они набирают разных бумажек и какие длинные заявления пишут.

Время идет. Человек в очках быстро принимает простейшей. Поминутно в корзину летят „служебные“ записки с просьбами „устроить“, „послелестовать“ — жене, брату или просто знакомой. Он даже не читает их, он только злобно поглядывает на подателя и, выслушав, отказывает и отказывает.

День приближается к концу. Человек в очках собирается в апелляционную комиссию. Там сегодня ожидается вышестоящие восьмисот непринятых! И там те же, с головами до пят вооруженные „служебными“ записками влиятельных знакомых. Это — последний приступ, а потом стружки ульмуют по течению. Они не будут пугаться под ногами, не будут мешать работе.

ПРАКТИКА

Когда „Большая советская энциклопедия“ дойдет до буквы „п“, — обязательно нужно будет включить и толково разъяснить слово „практикант“. Обойтись без этого будет нельзя: хозяйственники так и не поймут, что значит это многострадальное слово. Для них, очевидно, недостаточно тех разъяснений, которые приводятся в сотнях циркуляров целой вереницей ведомств, выполняющих каждое — роль одной из семи вняек у одного художочного ребенка.

Анекдотическая правда прежних лет жива и теперь, когда некоторые хозяйственники спрашивают прибывающих на практику:

— Вы как желаете, сразу получить деньги за четыре месяца или же предварительно пороботаете?

И сочувственно добавляет:

— В самом деле, узелки бы, что вам тут мешать-ся?... А?..

Такой случай имел, например, место на Саратовском кожзаводе.

Но студенты все-таки остаются. Тогда начинается второй этап практиканства. Начальство, вынужденное в силу циркуляров принять студентов на работу, мыкается, не зная, что предложить. В коковом цеху Сталинзавода начальники так и сказал студентам:

— Вот сидите тут, ребята, и смотрите, а делать — это вас не касается.

И „ребятики“ „сидели“ и — „смотрели“.

Там же два студента-экономиста нашли себе все-таки работу по... переписке каких-то бумаг. Конечно, это не значит, что студентов, будущих спесов, и в грош не ставят, — наоборот, в них видят скрытую вулканическую силу и прямо-таки гениальность.

В ремонтно-тракторной мастерской (Саратов) студента-механика любовью усладили за один из столов техбюро и предложили:

— Сидите тут, дорогой товарищ, и изобретите нам что-нибудь хорошее....

Парень сидел, ломал голову и наконец избрал очень хороший способ пожаловаться на такие порядки. В этом же славном городе практиканты занимались ведением инвентарных книг, а для разминки конечностей таскали всевозможные тяжести, не уступая по производительности труда матерым черноработчим.

В трест Мельмассельпром (Краснодар) пришла химик-фармацевт практиковаться по пищевой химии. Кому же как не ему предложить вакантное место ветеринарного фальшера? Химик (ох, эти химик!) отказалась и предпочла сидеть на подшивке газет, ливонании бумаги и разборке архива бухгалтерии. От безделья и то — рукоделье! Все равно ведь в этом же Краснодаре студенты-электрики пробивают дыры в стенах, подогревают паяльники с подачей их монтерам, а биологи усердно трудятся над рекой жести для консервных банок.

Немножко лучше в Тифлисе. Экономист работает в тамошнем горисполкоме в качестве счетовода, юристы регистрируют входящие и исходящие в Наркомюсте, а на Закавказских железных дорогах практикантов с инженерных факультетов сажают для начала за переноску в качестве машинисток.

Поистине студент — универсален. Даже в Москве „случались случаи“ когда практикантов встречали с распростертыми объятиями и словами:

— Будут теперь молодцы, чтобы пакеты в ГОМЗу отправлять!

Такой радужный прием устроил технорук Тормозного завода Годубков. И если студенты не идут в курсы, то занимаются тем, что моют в керосине гайки или раскладывают по номерам старые чертежи.

В Ташкенте студенты практиковались на выгонке из кишек нечистот, сельскохозяйственники терпеливо считали корешки растений.

В прошлом году прошумел на весь СССР факт, когда студент, специализирующийся на изучении восточных языков, практиковался в... Московское. В этом году восточники опять побили всесоюзный рекорд. В Ташкенте они принимали и отправляли корреспонденцию и „по заданию начальства“ подавали посетителям стулья. На почте те же восточники клеили баннероли.

Не лучше и с юристами. В Бухарском округе одного из них прикрепили к телефону для дачи вликих справок и разъяснений.

В Астрахани в этом году в качестве практиканта подвизался „незаменимый Витька“. Уходит в отпуск чертежник завода имени Карла Маркса — Витька замещает. Отпускается учетчик — Витька работает за учетника. За время практики он успел поробовать и подручным слесарем, и молотобойцем, и учеником в чертежной, и депо-производителем в ТНБ и т. д. и т. п.

Мы злываемся от массы фактов. Нехватает терпения перечислять эту вереницу безобразий.

На заводе Амо (Москва) практиканты выдают пропуска на завод....

На Орехово-завеских текстильных фабриках студентам „доверяют“ повертывать гайки, обмахивать машины и, как сами студенты говорят, что-нибудь поднять да бросить... Одним словом, „что валяется — поставить, что стоит — повалить“...

На промыслах Грознефти практиканты ставят и зарывают столбы. Пятьсот практикантов Азнефти перед разъемом внесли постановление, что нынешнее лето они провели без определенных занятий. На Второвских торфоразработках (Владимир) студенты выдавали продукты торфяникам. На котельном заводе (Таганрог) практиканты копают ямы для прокладки волопровода. На должность медсестры послана студентка строительного техникума.

Больше сия не! Но потерпите еще немного, это — шутки, а сейчас будут и ягоди.

Курсантка партшколы (Семипалатинск) т. Шарбаршова усердно практиковалась на подсчете карт и денег в общественном лото губкомпа. Что можно придумать еще совершеннее? Разве только то, что в Челябинске студент-путеец работает по сооружению уборной? А, может быть, то, что слушатели Славянского сельскохозяйственного техникума (Ростов и Д.) в качестве практики по животноводству разрезают кучерами или всевозможных деловых и неделовых поездках учебного начальства? Впро-

чем, это тоже — большое дело, большое и ответственное. Недаром славянские педагоги хвалятся:

— У меня кучер второго курса. А у вас?

Стоит ли перечислять бесчисленные факты неправомерной и незаконно низкой оплаты порой каторжного двенадцати-пятнадцатичасового рабочего дня практикантов (такие факты есть)! Нужно ли говорить о том, что практикантам приходится жить по неделям чорт знает где — в садах, на бульварах и на вокзалах!

Надо ли распространяться о плохом руководстве практикантами?

Есть ли смысл рассказывать о жутком отношении к студентам со стороны администрации, отношении, побуждающем порой к бегству с практики? Зарегистрирован в этом году даже один смертельный исход небрежного отношения к труду практикантов.

Факты дают, — их масса...

Конечно, это только тени практики, — мы нарочно собрали их на одну полочку, чтобы легче было к ним приглядеться и еще раз изучить, с тем чтобы приостановить неуклонный рост безобразий с практикантами.

— „У меня — кучер 2-го курса!“

Л. ПОЛЬСКИЙ

ГОРОД ПОЛОТНЯНЫЙ

На фоне зеленого бархата пушистых елей вытянулись ряды палаток. Кругом на много верст — лес, лес и лес. После ленинградской колоты, сырых, промозглых дней — чистый, бодрящий воздух. Вместо каменных коробок зданий, гула и шума кипящих проспектов — широкий простор леса, где с наслаждением дышишь полной грудью. Молчаливая, невозмутимо спокойная природа.

Нас больше тысячи. Тут и технологи, и герценовцы, и лесники, и политехники, и другие.

Мы, полтораста студентов Института Герцена, составили отдельную вузовскую роту стрелкового полка.

С места в карьер нас берут в оборот.

Мы стали красноармейцами, но вызывает смех сугубо шатская маера держаться. Повод для шуток — маленькие

фуражки, еле-еле сидящие на затылках. Как на грех, большинство фуражек не подошло на наши студенческие головы.

Труднее было первое время нам, привыкшим к книге и карандашу, войти в колею красноармейской жизни.

Здесь вся жизнь, весь день строго регламентированы. Никакие отступления недопустимы.

Вместо студенческого анархизма* в быту сразу же пришлось столкнуться с жесткой дисциплиной.

Наши „критически мыслящие личности“ вначале не могли примириться с таким строем жизни.

Но клубок красноармейских будней разворачивается.

Утром, в шесть часов, по всему лагерю раздается сигнал к подъему. Торопливый оклик дневального:

— Вузовская рота, подымайся!

Восемь часов ежедневных занятий.

Первый студенческий период учебы был основным. За 235 учебных часов надо было пройти, примерно, то, что красноармец проходит в течение первого года своего обучения. Трудно было с тактическими занятиями. Досаждала штыковой бой. Доставалось от походов по пескам, по болотам, от рогатых и батальонных учений. Однако очень скоро мы закалялись и окрепли.

Идем на стрельбище. Команда — „на ремень“. Сверхкуши на солнце штыки. Слышится пальба винтовок и пулеметов, гуляющий шум пропеллеров; высоко в небе маячит „колбаса“ — привязной аэростат.

Особой симпатией пользовалось стрелковое дело. И здесь, на стрельбище, мы, по уверению наших командиров, оказа-

Студенты-зоотехники.

лись на высоте: по своему высокому качеству результат нашей стрельбы им самим показался неожиданным. И это несмотря на то, что большинство ребят впервые держали винтовку.

К трем часам возвращаемся со стрельбища. Нас ждет сытный красноармейский обед. Для нас, студентов, привыкших питаться „налету“, это особенно важно.

Вечером после чая — внешкольная работа в кружках, в ротах, культработа в клубе.

До поверки атака на библиотеку, налет на книги, газеты. Никогда еще полковая библиотека не знала таких неутомимых читателей.

В десять часов — поверка, торжественный момент в лагерной жизни.

Далеко разносятся звуки зори и „Интернационала“.

Команда — „смирно“. И все застыли, замерли. По своей выразительности вечерняя зоря — самый захватывающий момент. Так и чувствуется напряжение стройных красноармейских рядов, единого монолитного коллектива.

После поверки отбой и — спать.

Стрельба.

Нас по одиннадцать человек в каждой палатке. Здесь собрались ребята со всех уголков нашего Союза: „от финских хладных скал до пламенной Колхиды“, — с широкими волжских просторов, рязанских аржаных полей, с мрачных массивов Кавказа, из дикой сибирской тайги. Под пологом одной палатки собрались финн, грузин, армянин, волжанец, кубанец — одна дружная товарищеская семья.

Студента узнать нетрудно, будь он даже и в красноармейском обличьи. Юношеский задор и пыл, бурные споры по самым разнообразным вопросам: тут тебе и теория относительности, и половая проблема, и жгучие вопросы студенческого быта, и политические вопросы сегодняшнего дня.

И вот... однажды среди ночной тишины раздалась гулкая команда:

— В ружье!

Одеяла полетели на землю. Палатки стали тесными. Встопорились на ноги, мешали друг другу, путались в вещах, амуниции. Поднялся шум, суматоха... Звенели противогазы.

Встревоженные, взвздывающие лица выстроившихся. Мы представляли красочную картину: у некоторых козырьки

За чистоту винтовок.

смотрели назад, из карманов скромно выглядывали портянки, ботинки с правой ноги попали на левую. Один только в строю обнаружил, что он без гимнастерки.

В эту ночь мы получили „боевое крещение“. Все тревоги — и химические и ночные — прошли уже более организованно.

Полтора человека студентов-герценовцев — культурная сила; немудрено поэтому, что ожидавший нас политаппарат полка не был обманут в своих надеждах на развертывание с нашим приездом широкой внешкольной работы с красноармейцами. Общеобразовательные кружки, кружки текущей политики, антирелигиозная пропаганда, стенгазета — вот где нашли свое приложение силы и опыт студента-общественника.

Около семидесяти человек студентов ревностно принажились за удовлетворение красноармейской пылкости. На практике нам пришлось столкнуться с исключительной любовью и интересом красноармейцев к учебе.

Наблюдая, как старательно водит он карандашом, нельзя было не заразиться общим настроением и с энтузиазмом не отдаться своей работе.

Два месяца лагерной учебы сумели заложить крепчайший фундамент наших военных знаний, выковать твердый, спаянный единой волей боевой кадр командного состава запаса.

Порядок, установленный в Красной армии, надолго оставит глубокий след и наложит бодрый отпечаток на жизнь студентов в общежитии, на наш быт.

Студенты-темарзавцы.

КАК НАМ ЛУЧШЕ ОРГАНИЗОВАТЬ СВОЮ УЧОБУ

(РУКОВОДИТ ОТДЕЛОМ ТОВ. И. В. РЕБЕЛЬСКИЙ)

С настоящего номера «Красное студенчество» открывает новый отдел: «Как нам лучше организовать свою учебу». Агитировать за него и разъяснять его необходимость — не нужно. Мы выполняем волю сотен и тысяч студентов, которые и в письмах и на собраниях выражают одну и ту же мысль: «Помогите нам, научите нас правильно организовать свои занятия, свою учебу». И раз перед нами во весь свой рост встал вопрос о подготовке новой квалифицированной силы, раз рационализация производства является проблемой нашего строительства, то не пора ли подумать о рационализации умственного труда нашего студенчества? Пора. И мы приступаем.

Но, понятно, без помощи самого студенчества мы тут ничего не сделаем, на одних инструктивных статьях в этом деле далеко не уйдешь. Потому-то и просим мы и требуем вашей помощи, товарищи студенты.

В чем она может выразиться? Вопросы — в предварительном обсуждении тек статей, которые мы собираемся помещать в нашем журнале. Для этого мы организуем при нашем журнале специальный кружок «Организация умственного труда». Запишитесь в этот кружок, учитесь в нем сами и помогайте нам работать. Вотерых — в точном выполнении, что же вас интересует в области организации умственного труда, чему вас, собственно, нужно учить. Для того чтобы услышать ваш голос по этой части, мы вскоре

организуем специальный вечер для студентов, рабфаковцев и учащихся техникумов. Тема вечера: «Как студенту организовать свою учебу и свой отдых». Приходите на вечер, задавайте вопросы, высказывайте в прениях. Но и этого мало. В нашем отделе мы организуем специальную утолку вопросов и ответов и специальную трибуну по спорным вопросам организации умственного труда. Шлите вопросы, участвуйте в трибуне, критикуйте наши статьи, предлагайте и развивайте свои соображения.

Для начала обдумайте хорошенько и выскажитесь о программе нашего отдела. Мы ее даем в виде названия статей, которые предполагаем втечение года поместить. Вот эта программа:

1. Как слушать лекции, как их записывать и прорабатывать. Как пользоваться заданиями.
2. Внимание, воля, память, — как их развивать и укреплять.
3. Как работать над книгой — основным учебным пособием.
4. Как работать в лаборатории, семинаре и мастерской.
5. Как готовиться к занятиям.
6. Как наиболее рационально организовать и проводить практику.
7. Как писать дипломную работу.
8. Организация и гигиена умственного труда студента (общие выводы).

Итак, мы начали. Очередь, товарищи, за вами.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ — КАК СЛУШАТЬ

Умственный труд нашего студенчества складывается из четырех основных моментов: слушания лекций, работы над книгой, работы в лаборатории или мастерской и общественной работы. В первые два месяца учебы студент, особенно вновь поступивший, больше слушает, чем читает и работает в лаборатории, и это — правильно: лекции вводят в курс дела, лекции дают перспективу, лекции эмоционально «поднимают» и зачастую «включают» в предмет, а это так важно, ибо успешно заниматься умственным трудом можно только тогда, когда любишь свой труд.

Но умеем ли мы слушать?

Не желая обидеть наше студенчество, тем не менее отвечаем:

— Нет, не умеем. Этому делу надо учиться.

Настоящая статья и имеет своей целью сделать возможным помочь нашему студенчеству в этом деле.

Правильная организация слушания подразделяется на три основных момента:

- 1) подготовку к слушанию;
- 2) непосредственное восприятие преподаваемого материала;
- 3) закрепление результатов прослушанного.

Подготовка к слушанию.

Подготовка к слушанию имеет огромное значение: 1) она облегчает смый процесс восприятия материала: легче слушать, когда ты хоть отчасти знаком с тем, что излагает лектор; 2) она активизирует: ты уже не пассивно ждешь,

что скажет лектор, а вопрошаешь, проверяешь, критикуешь (мысленно); 3) она помогает больше усвоить: чем легче ты воспринимашь слышаемое, тем больше ты усваиваешь; 4) она помогает сосредоточиться.

Подготовка к слушанию может идти по двум линиям: 1) по линии тщательного изучения материала, который ты предполагаешь впоследствии прослушать в форме лекции или доклада; 2) по линии ознакомления с тезисами или планом будущей лекции.

Первый прием весьма полезен в том случае, когда ты углубленно прорабатываешь какой-нибудь вопрос и для этого решил прослушать не одну изыскательскую лекцию, а целый цикл лекций.

Чаще других этим приемом должны пользоваться наши студенты и слушатели курсов и кружков, в которых наряду с другими методами применяется и лекционный метод занятия.

Чтобы наиболее рационально использовать этот прием, необходимо предварительно ознакомиться с программой всего цикла лекций по данному предмету-вопросу и узнать, какими книгами и другими учебными пособиями следует овладеть, чтобы в общем и целом ознакомиться с содержанием выступлений лектора.

Подобрав необходимые пособия, полезно прочесть материал, охватывающий весь курс, весь цикл лекций, — это даст общую ориентировку, но для углубленной проработки содержания лекций этого мало: необходимо еще подготовиться к каждой лекции в отдельности. Для этого, пользуясь программой, подбираешь по пособиям именно те главы

и страниц, которые охватывают тему сегодняшней лекции в отдельности, и прорабатывать их.

Прорабатывать книжный материал на лекции полезнее всего или путем очеркивания и подчеркивания внутри текста основных мыслей, фактов, определений, сомнений или путем конспектирования: составления плана, тезисов, подбора фактического материала. (О методах работы над книжным материалом см. в следующих наших статьях или в моей книге: „Азбука умственного труда“, 9-е изд.)

При таком способе проработки материала слушатель получает возможность: не просто слушать лектора и принимать на веру все, что он скажет, а проверить лектора, сравнивать приводимые им мысли и факты с мыслями и фактами, изложенными в книге, а это гарантирует максимальное усвоение прослушанного.

Но не всегда удается такая тщательная предварительная подготовка к слушанию. Тогда полезно использовать другой метод подготовки — предварительное ознакомление с тезисами лекции. В университете тезисами чаще всего служат задания¹ для лабораторных занятий. Задания указывают, что и как проработать, но лают и вопросы; эти вопросы и можно рассматривать как своего рода тезисы.

Предварительное ознакомление с тезисами-вопросами задания, которые, кстати сказать, чаще всего даются в виде пунктов плана, играет такую же роль, как ознакомление с оглавлением книги перед ее прочтением. Оно дает общее представление о содержании лекции, помогает следить за ходом мыслей лектора, указывает пункты, где докладчик „переваливает“ в следующую часть лекции, а в общем значительно облегчает процесс восприятия и фиксации.

Предварительное ознакомление с тезисами полезнее всего проводить таким путем: прочитавшь тему (название) лекции, доклада и самостоятельно намечаешь тезисы или хотя узловые его вопросы к ней, затем сравниваешь свои тезисы с тезисами лектора и сразу улавливаешь общее содержание и направление лекции.

После этого зачитываешь каждый тезис в отдельности и пробуешь мысленно развить его. При этом у тебя возникают вопросы, сомнения, — записываешь их, чтобы проверить во время лекции.

Остается ответить еще на один вопрос: стоит ли тратить время и силы, чтобы самому намечать тезисы и сравнивать их с тезисами докладчика или мысленно развивать тезисы докладчика раньше, чем ты сделал он сам, — ведь результаты все равно будут сами ничтожными?.

Но, во-первых, мы часто сами не подозреваем того, как много мы знаем по данному вопросу, и только начав мысленно подытоживать наличные мысли и факты, мы устанавливаем „непочатые залежи“, а, во-вторых, уже самый процесс подытоживания наличного материала имеет колоссальное значение в смысле превращения будущего процесса восприятия материала.

Организация процесса слушания

Для того чтобы наиболее правильно организовать самый процесс слушания, необходимо раньше всего определить, из каких моментов этот процесс складается.

Мы слушаем докладчика и раньше всего воспринимаем ряд мыслей и фактов, которые он нам преподносит (это первый момент).

Но эти мысли и факты не просто откладываются в нашем сознании, как в некотором хранилище. Параллельно с процессом восприятия мыслей и фактов идет процесс, — если можно так выразиться, — внутреннее реагирования на эти мысли и факты (это второй момент). Докладчик выразил ту или иную мысль, дал тот или иной факт, а мы, слушатели, мысленно реагируем: „Совершенно правильно!.. — „Так и в книге!.. — „Неверю!.. — „Практика моей работы полностью подтверждает факты докладчика!.. — „С начала до конца надуманно!.. — „Надо будет проверить у себя на работе!.. — „Так ли? Не может быть!.. — „Все совершенно ясно!.. — „Ничего непонятного!.. — „Надо взять слово и поддержать!.. — „Сейчас выступлю и камия на камия не оставлю!.. — и т. д. и т. д.

Перечисленные мысли (некоторые из них возникли в нашем сознании как результат первой и весьма спешной проработки того материала, который преподнес нам сам доклад-

чик) могут еще измениться, но само их появление по ассоциации — в связи, по сплетению с мыслями докладчика является весьма важным моментом в процессе восприятия.

Итак, мы уже отметили два основных момента процесса слушания: момент восприятия чужих мыслей и фактов и момент соответствующего реагирования на эти мысли и факты со стороны слушателя. Но рядом с этими двумя моментами протекает и третий. Слушая докладчика, мы ведь интересуемся не только тем, что он нам дает, но и тем, как он преподносит свой материал; мы следим за выражением лица докладчика, его жестами и манерой говорить, — это, так сказать, с внешней стороны. Но нас интересует и внутренняя сторона: как лектор строит свою лекцию — индуктивно или дедуктивно, концентрически или ступенчато, на что он главным образом стремится походить — на чувство или на сознание, что он агитирует, пропагандирует, убеждает, ну, как, — словом нас интересует метод построения доклада (это — третий момент).

Исходя из этих трех слагаемых, составляющих процесс слушания, и следует организовать самое слушание.

Раньше всего следует добиться максимального сосредоточения внимания. Для установления ответственности тебя в процессе слушания психонных мыслей часто недостаточно только проявления силы воли, тут требуются какие-то приемы внешнего порядка. К таковым относятся:

1) проверка докладчика по заранее проработанному материалу (об этом мы уже говорили выше),

2) внимательная запись слушаемого в процессе слушания.

Тут мы переходим к четвертому моменту процесса-слушания — к записи слушаемого.

Запись слушаемого

Так как процесс записи слушаемого является наиболее важным и для повседневной работы студента, мы на этом моменте остановимся более подробно.

Раньше всего слушателя интересует такой вопрос: когда начать запись слушаемого — немедленно, как докладчик (лектор) начал свою речь (или новый раздел своей речи) или подождать, пока докладчик не закончит какую-нибудь определенную часть своей речи, и тогда уже приступить к записи?

На этот вопрос необходимо ответить так: как, читая книгу, мы не в состоянии понять и усвоить отдельного отрывка из нее, не дочитав ее до конца, так и слушая доклад, мы не в состоянии усвоить отдельного „отрезка“ его, пока докладчик не доведет его до логического конца, не выразит полностью.

Поэтому записывать за докладчиком его речь следует не сразу, как бы подхватывая отдельные его слова, а надо подождать, пока докладчик не закончит данный „отрезок“ речи, и только после этого его кратко записать.

Это тем более полезно, что докладчики часто повторяются, и фиксируя за ним подряд все, что они говорят, мы можем одну и ту же мысль записать несколько раз.

Наше предложение вызывает вопрос и сомнение.

Вопрос. А как определить, где кончается один и начинается другой „отрезок“ речи докладчика?

Отвечаем. 1. Часто сам докладчик дает знать, что он переходит к следующей части своего доклада. Итак, товарищи, мы ответили на третий вопрос — переходим к четвертому? 2. Иногда мы по интонации можем узнать, что докладчик приближается к концу данной части доклада. 3. Очень часто логика указывает нам конец и начало отдельных частей речи. 4. В этом отношении много может дать предварительное знакомство с тезисами или вопросником докладчика: сличая печатные вопросы и пункты плана с устными оглавлениями мыслей, устанавливаешь, что докладчик покончил с одним разделом и перешел к другому.

Сомнение. Если записывать содержание данной части доклада не в процессе изложения, а немедленно после изложения, то как же поступить со следующей за ней частью? Ведь докладчик не жает.

Разъясним и это. Во-первых, наше предложение надо понимать не буквально. Мы говорим о том, что нерационально начать запись слушаемого, как только докладчик начал свой доклад, потому что первые три-пять минут докладчик „делает только разгон“, говорит обыкновенно не по существу. Мы не советуем приступать к записи данного раздела доклада немедленно после того как к нему перешел докладчик, потому что большинство докладчиков вначале только намечает мысль, затем развивает ее и наконец подытоживает, — полезнее, значит, начать запись к концу, когда докладчик кратко подытоживает все сказанное. Но, конечно, все

¹ Задания, как правило, должны выдаваться до лекции.

это не закон, через который нельзя переагнуть. Если вы почувствовали, что ухватили мысль докладчика, будь это в начале данного раздела или в середине, — немедленно кратко запишите ее, особенно это касается цифр, так как цифровые данные обыкновенно не повторяются.

Вторых, запись проводится и запись проводится в несколько раз быстрее, чем изложение, не потому, что мы пишем скорее, чем докладчик говорит (тут картина как раз обратная), а потому, что мы записываем только самое существенное, и то — сокращенно.

Для того чтобы кратко записывать слышимое, не надо непременно знать стенографию, — наоборот, пользование стенографией, как говорит опыт, часто вредит студенту: он уделяет слишком много внимания самой записи и меньше, чем ему нужно, следит за мыслью докладчика, он совсем не переживает излагаемого эмоционально, а это глубоко важно даже в процессе слушания «скупых» лекций по интегральному исчислению.

Словом при пользовании стенографией получается нечто вроде процесса работы опытной машинистки, которая может совершенно правильно перепечатать статью, не поняв ничего по существу и не уловив и на-югу всей красоты стилизации.

Нет, не стенография нужна студенту для рационального использования лекций, а краткая запись; но краткая запись должна быть не только за счет сокращения обозначения отдельных слов, — вместо четверки: к, вместо двинуть: двиг, вместо непременно: нпр, вместо миллиард: млрд и т. д., и т. д. — а за счет сокращения передачи самого содержания слышимого. Не надо записывать мысли докладчика целиком, а дать только намек на эту мысль; вовсе не надо записывать цитаты, которые приводит лектор, а следует только отметить, у кого и откуда они взяты (если лектор этого не указывает, надо его попросить об этом записочкой уже в процессе лекции или к концу ее); никоим образом не нужно записывать длинных рядов цифр, если указан источник; если же достать источник трудно, или цифры впервые обрабатываются, надо записать из них минимум и — во чтобы то ни стало — цифры сравнительного характера.

Но самое главное, что дает сокращенную запись, это — тщательный отбор материала для записи.

Лектору в процессе его доклада все нужно — и основные и дополнительные мысли, и главные и второстепенные факты, и яркий образ, и замалочивающийся пример, и умный анекдот, и уместная шутка, и даже просто улыбка, — все это вместе создает то целое строгие, которое он часто, сам замалочивающий, несет своим слушателям. А слушателю нужно, точнее — слушателю и у него и записать только основные мысли, только основные факты, только схему разворачивания доказательства, только идеи, формулы, и только в редких случаях — яркие образы и убедительные примеры.

Закрепление результатов прослушанного

Но, конечно, такая краткая запись не передает и основного, сказанного лектором. Это даже не конспект, ибо конспект представляет нечто строгое, законченное, тут же только наброски, только обрывки. Почему?

Да потому, что три четверти того, что сказала лектор, зафиксировано нами не на бумаге, а в сознании. Вот из этого материала, времени оставшийся в нашем сознании, связанный с нашими записями только тонкими, рвущимися нитями, надо обратить глубоко серьезное внимание. Если его немедленно не закрепить, то тонкие нити оборвутся, а сам он исчезнет. Но как его закрепить?

Тут мы переходим к вопросу о последующем закреплении результатов прослушанного. Изложим этот раздел в виде нескольких отдельных пунктов.

1. Закрепление прослушанного должно начинаться немедленно: лучше всего тут же после лекции уйти в читальню или в соответствующий кабинет и сразу же взять за дело; в крайнем случае это надо сделать вечером; откладывать закрепление прослушанного на воскресенье или на рождественские каникулы, — это значит заниматься вредным самобманом.

2. Закрепление должно идти по линии расшифровки записей, дополнения их за счет материала, оставшегося в сознании, и путем дополнительной проработки соответствующей литературы. Ждать времени на все это никоим образом не следует. Только немедленная тщательная проработка и краткая запись каждой прослушанной лекции действительно дадут цельную картину предмета и знания; предвзятая зурбержа не стоит ни гроша.

5 РУБЛЕЙ СТИПЕНДИИ ВЗАЙМЫ ГОСУДАРСТВУ

Редакция «Красного студенчества» призывает все без исключения студенческие организации, вузовский актив и отдельные товарищи откликнуться к прославленному второму займу индустриализации с возможным максимумом сознательности и вдумчивости.

Так как индивидуальная подписка может оказаться не по силам значительной части наших вузовцев, редакция со своей стороны рекомендует обратить самое серьезное внимание на коллективную подписку, которая предоставляет целый ряд льгот, выгодно подводящих заем к возможностям и средствам студента-пролетаря.

Решительно необходимо, чтобы наши будущие красные специалисты в этом деле новой активной помощи государству сохранили за собой одно из первых мест, по праву завоеванное ими.

Пять студентов всегда в силах приобрести целую облигацию, — всегда в состоянии дать государству взаимный двадцать пять рублей.

Что должен знать КАЖДЫЙ студент

Второй заем индустриализации имеет два выпуска по 10 миллионов облигаций каждый: процентно-выигрышный и беспроцентно-выигрышный; платежи по обоим из них равны 11% годовых.

По процентно-выигрышному купону выплачивается 6%, а 5% идут на выигрыши; по беспроцентно-выигрышному все 11% идут на выплату выигрышей.

Выигрыши для обоих выпусков устанавливаются в 100, 250, 1 000 и 5 000 рублей.

Первый тираж состоит в декабре 1928 г. Всего за 10 лет будет 38 тиражей, по 4 тиража в год (а в последний год — 2 тиража).

По процентно-выигрышному выпуску будет разыграно всего 958 000 выигрышей на сумму 102-358 500 рублей, — в среднем за все время

займа один выигрыш на 10 облигаций.

По беспроцентно-выигрышному выпуску будет разыграно 1 964 750 выигрышей на сумму 209 176 500 рублей, — в среднем за все время займа один выигрыш на 5 облигаций.

Цена целой облигации — 25 рублей, одной пятой — 5 рублей.

Коллективная подписка трудящихся и вся предусматривает целый ряд льгот, благодаря которым заем может быть приобретен даже теми из товарищей, которые могут урвать из своего содержания самую незначительную сумму на приобретение облигации.

Все облигации могут быть превращены в наличные деньги путем продажи или залога в банке или сберкассе.

Выигрыш той или иной облигации не может служить причиной снятия со стипендии.

ЦИРКУЛЯРНО.

Всем правлениям вузов, рабфаков, техникумов, институтам стипендиальным комиссиям, губбюро пролеткульта, исполбюро вузов, рабфаков и техникумов.

В целях предоставления наибольшей возможности студентам выписывать журнал "Красное студенчество", в текущем 1928/29 учеб. году вновь устанавливается кредитование подписчиков-стипендиатов.

Исполбюро составляют списки студентов-стипендиатов, желающих выписывать журнал в кредит, и представляют их в правление и стипендиальную комиссию для засвидетельствования. Помимо этого правления вузов, рабфаков и техникумов и стипендиальную комиссию должны выдать специальные гарантийные письма с обязательством уплаты требуемой по подписке суммы не позднее 1 сентября 1929 года. Правления и стипендиальные комиссии ни в коем случае не должны чинить препятствия в деле иродования журнала в студенческие массы.

Кредитуются студенты вузов, рабфаков и техникумов, получающих гос. или кол. стипендию, выписывающих журнал сроком не менее трех месяцев.

Кредит предоставляется на срок подписки, но не позднее 31 августа 1929 г.

Правления вузов, рабфаков и техникумов ежемесячно после вычета из стипендии подписной платы (равными долями) вносят ее в редакцию журнала "Красное студенчество", тел. 3-55-54. При сем прилагается форма гарантийного письма в списки подписчиков.

Списки кредитующихся подписчиков, гарантийные письма и заказы на журнал исполбюро пересылает в редакцию по адресу: Москва, П. Солянка, 12, Дворец труда, комн. 214. Редакция журнала "Красное студенчество", тел. 3-55-54.

При сем прилагаются формы гарантийного письма в списки подписчиков.

За зам. Наркомпроса (Эпштейн),
Нач. Главпрофобра (Вощинский),
Вонд. нач. Главтуз ВСНХ (Яну),
Зам. Нач. Цутрапрос НКПС (Ильин),
За управл. Глав. контрол. Бю. (Леонин),
Председатель ЦБПС ВАСПС (Яковлев),
Зам. редактора "Красного студенчества" (Арутюнян),
Зам. отв. обслуживания учащихся Главпрофобра (Абов).

г. Москва,
3 сентября 1928 г.

Форма Копия

Гарантийное письмо

Настоящим Правление и Стипендиальная комиссия гарантирует получение (наименование вуза, рабфака, техникума) и своевременную пересылку подписной платы редакции журнала "Красное Студенчество" за выписываемый студентами-стипендиатами (наименование вуза, рабфака или техникума) журнал "Красное Студенчество" по особым спискам, посылаемым в редакцию за подписью Стипендиальной и уполномоченного по подписке, сроком не позднее 31 августа 1929 г., ежемесячно равными долями, согласно циркуляра НКП, Главтуза ВСНХ, Цутрапрос НКПС и ЦБПС.

Правление

Стипендиальная комиссия

..... 192 .. г.

гор.

К гарантийному письму
.....
(наименование вуза)
от за №

Список

студентов-стипендиатов (наименование вуза) подписавшихся на журнал "Красное Студенчество" в кредит на 1928—29 учебный год

№ п/п	Фамилия, имя и отчество	Срок подписки	Сумма подписки	№ заказа	Адрес

Стакломассия

Уполномоченный

(фамилия)

ОТ РЕДАКЦИИ:

ОТДЕЛЫ:

"Среди книг и учебников" и "Шахмат" по техническим причинам не могли быть помещены в № 1.

ПОСТУПИЛО В РЕДАКЦИЮ
НА РЕЦЕНЗИЮ ОТ ГОСИЗДАТА

- Л. И. Аксельрод-Ортодокс. В защиту диалектического материализма. 1928 г. Стр. 252. Ц. 2 р. 50 к.
- В. М. Штейн. Очерки финансового кризиса в Китае. 1928 г. Стр. 352. Ц. 4 р. 25 к.
- О. Д. Хвольсон. Физика наших дней. 1928 г. Стр. 344. Ц. 4 р.
- Э. Гельмрейх. Обмен энергии у ребенка. 1928 г. Стр. 192. Ц. 1 р. 25 к.
- Проф. Н. Н. Богданов-Катков. Краткий учебник энтомологии. 1928 г. Стр. 330. Ц. 4 р.

В ПОМОЩЬ НОВОМУ ПРИЕМУ РЕДАКЦИЕЙ

„КРАСНОГО СТУДЕНЧЕСТВА“

9-го октября в Политехническом музее устраивается доклад И. В. РЕБЕЛЬСКОГО на тему:

„КАК НАМ ЛУЧШЕ ОРГАНИЗОВАТЬ СВОЮ УЧОБУ“

Что нужно делать, чтобы правильно организовать свой умственный труд.
Как слушать лекции и работать с учебником.
Как готовиться к зачетам и коллективно заниматься.
Как работать в лаборатории, в семинаре и в мастерской и как отдыхать.
Ответы на все вопросы аудитории.

НАЧАЛО В 7 ЧАСОВ ВЕЧЕРА

Под редакцией: Арутюнян, А. А. и Кольман, Э.

ИЗУЧАЙТЕ ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ

НЕМЕЦКИЙ

Бломериус, А. и Мауна, Н. Руководство для изучения немецкого языка. Для слушателей высших школ и для самообразования. М.—Л. 1926. Стр. 188. Ц. 1 р. 60 к.

Допущ. Научно-педагогич. секц. Гуса.

Губе А., Кан Б., Озолинг Х. Рабочая книга по немецкому языку для рабочих факультетов, техникумов и высших учебных заведений. Часть первая. Стр. 256. Ц. 1 р. 50 к. Часть вторая. Изд. 2-е. М.—Л. 1926. Стр. 232. Ц. 1 р. 35 к.

Пише А. Немецкая хрестоматия для медиков. Под ред. д-ра С. Ю. Вайнберга. М.—Л. 1927. Стр. 244. Ц. 1 р. 75 к.

Допущ. Научно-технич. секц. Гуса в качестве пособия для высшей медицинской школы.

Удольская В. Немецкая хрестоматия для строительных технических учебных заведений. М.—Л. 1926. Стр. 120. Ц. 1 р. 20 к.

Рекомендовано Научно-технич. секц. Гуса в качестве пособия при изучении немецкого языка в учебных заведениях типа строительных техникумов.

Браунштейн, Е. Классовая борьба. Немецкая хрестоматия для высших учебных заведений и школ II ступени. М.—Л. 1926. Стр. 388. Ц. 1 р. 50 к.
Ч. I Песни и стихотворения. **Драмы. Проза. Ч. II** Классы. Эксплуатация пролетариата. Идеология пролетариата. **Классовая борьба.**
Рекомендовано [Научно-педагогич. секц. Гуса.]

Новый самоучитель немецкого языка по методу Метнера, в обработке Ф. Курского. В 6-ти выпусках. Изд. 2-е.

Выпуск I. Стр. 96. Ц. 70 к.
Выпуск II. Стр. 84. Ц. 70 к.
Выпуск III. Стр. 104. Ц. 80 к.
Выпуск IV. Стр. 78. Ц. 50 к.
Выпуск V. Стр. 109. Ц. 70 к.
Выпуск VI. Стр. 77. Ц. 70 к.

АНГЛИЙСКИЙ

Гессен Б. Хрестоматия по английскому языку для школ II ступени и для самостоятельного чтения. Выпуск I. М.—Л. 1925. Стр. 56. Ц. 45 к. Выпуск II. М.—Л. 1925. Стр. 62. Ц. 45 к. Выпуск III. М.—Л. 1925. Стр. 59. Ц. 45 к.

Первый выпуск посвящен чартизму. В нем дан отрывок Колокола—Диккенса и наиболее яркие документы эпохи чартизма.

Второй выпуск посвящен детскому труду в Америке. Большая часть третьего выпуска посвящена статьям о Ленине как переводным, так и оригинальным. Материал для II и III выпусков взят исключительно из английских и коммунистических изданий и журналов.

Допущ. Научно-пед. секц. Гуса для школ I и II ступени.

Войнилович-Няньковские Е. и В.—Грамматика английского языка. Стр. 268. Ц. 1 р. 70 к.

Войнилович-Няньковские Е. и В.—Новый учебник английского языка. С указанием произношения. Для школ II ступени, вузов и самообразования. Часть I. Издание 2-е. Стр. 260. Ц. 1 р. 50 к. Часть II. Изд. 2-е. Стр. 276—1 табл. и 31 стр. словаря. Ц. 2 р.

Подбор материала для чтения сделан с целью ознакомить читателей с бытом английского и американского рабочего и буржуа. Лексикон изобилует географическими, политическими и социальными терминами и современными оборотами речи.

Допущено Научно-педагогической секцией Гуса.

Гершенкройн М. Краткая грамматика английского языка. М.—Л. 1926. Стр. 216. Ц. 1 р. 40 к.
Допущ. Научно-педагогич. секц. Гуса для школ II ст.

ФРАНЦУЗСКИЙ

Коноф Е. Руководство для начального обучения французскому языку. Переработала К. А. Ганшина. М.—П. 1923. Стр. 107. Ц. 90 к.

Эрдель Н. и Быховская Л. Новый учебник французского языка. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. М.—Л. 1924. Стр. 185. Ц. 90 к.

Ганшина К. Учебник французского языка для начинающих. М. 1925. Стр. 280. Ц. 2 р.
Учебник французского языка К. А. Ганшиной—первый опыт освобождения от пут традиционной грамматики и приближения к науке.

Допущено Научно-педагогической секцией Гуса.

Доде А. Малыш. Сокращенный текст с введением сборником слов и оборотов и алфавитном словарем.

Обработал Б. В. Кленце. Под ред. О. Нанштейна. М.—Л. 1923. Стр. 116. Ц. 1 р.
Допущено Научно-педагогической секцией Гуса.

Кутюрье П. Жан Бесхлебный. Книга для чтения на французском языке. М. 1925. Стр. 56. Ц. 25 к.

Милицына Л. и Богомолова О. Краткий курс грамматики французского языка. М.—Л. 1927. Стр. 179. Ц. 1 р. 10 к.

Допущ. Научно-педагогич. секц. Гуса для школ II ст.

Anilovitch G. Guide de l'orthographe française. Règles pratiques. М.—Л. 1923. Стр. 72. Ц. 50 к.

Допущ. Научно-педагогич. секц. Гуса для школ I и II ст.

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА ЕДИНСТВЕННЫЙ СТУДЕНЧЕСКИЙ МАС-
СОВЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

Красное студенчество

ОРГАН ЦЕНТРАЛЬНОГО И МОСКОВСКОГО
БЮРО ПРОЛЕТАРСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА

В ГОД ВЫХОДИТ 18 НОМЕРОВ
ОБЪЕМОМ ПО 40 СТР. (6 ПЕЧАТ. ЛИСТОВ) В КАЖДОМ НОМЕРЕ.

ПОДПИСНОЙ ГОД С 1 ОКТЯБРЯ 1928 Г. ПО 31 МАЯ 1929 Г.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: НА ГОД (18 №№) — 3 р. 50 к.
БЕЗ ПРИЛОЖЕНИЙ И 35 к.
ДОПЛАТЫ ДЛЯ ЖЕЛАЮЩИХ С ПРИЛОЖЕНИЯМИ: НА 1-ое
ПОЛУГОДИЕ (7 №№) — 1 р. 50 к. БЕЗ ПРИЛОЖЕНИЙ И 20 к.
ДОПЛАТЫ ДЛЯ ЖЕЛАЮЩИХ С ПРИЛОЖЕНИЯМИ; НА 2-ое
ПОЛУГОДИЕ (11 №№) — 2 р. 30 к. БЕЗ ПРИЛОЖЕНИЙ И
20 к. ДОПЛАТЫ ДЛЯ ЖЕЛАЮЩИХ С ПРИЛОЖЕНИЯМИ;
НА 3 МЕСЯЦА (6 №№) — 1 р. 30 к.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО № В ПРОДАЖЕ — 25 к.

ДЛЯ ГОДОВЫХ ПОДПИСЧИКОВ (НЕ СТУДЕНТОВ-
СТИПЕНДИАТОВ) ДОПУСКАЕТСЯ РАССРОЧКА:
ПРИ ПОДПИСКЕ 1 р. 25 к. К 1 ДЕКАБРЯ — 1 р.;
К 15 ФЕВРАЛЯ — 1 р. 25 к.

СТУДЕНТЫ — СТИПЕНДИАТЫ ПРИ УСЛОВИИ ПОДПИСКИ
В СТУДЕНЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ ИЛИ У ИХ УПОМО-
МОЧНЫХ И ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ОБЩЕГО ГАРАНТИ-
РОВАНОГО ПИСЬМА ПОЛЬЗУЮТСЯ КРЕДИТОМ НА СТРОИ
ПОДПИСКИ (В ЦИРКУЛЯРЕ НАРКОМПРОСА, ВКЖ И
ИКСО-ОБЪЕДИН. СМЕНИД. ИМП № 30 ОТ 21/IX-28 г.).

ГОДОВЫЕ И ПОЛУГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ ПОЛЬЗУЮТСЯ
ПРАВОМ ПОЛУЧЕНИЯ КНИГ И УЧЕБНЫХ ПОСОБИЕ ПО ВЫ-
БОРУ ИЗ СПИСКА, ПУБЛИКУЕМОГО В № 2 ЖУРНАЛА. ГО-
ДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ НА 4 РУБ. ЗА ДОПЛАТУ В 35 КОП.
ПОЛУГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ НА 2 Р. ЗА ДОПЛАТУ В 20 К.

Книги выносятся читателям почтой.

ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ УЧАСТВУЮТ В РОЗЫГРЫШЕ ПРЕМИЙ.

В число премий входят:

1 БИБЛИОТЕКА В 100 РУБ., 2 БИБЛИОТЕКИ ПО 50 РУБ.,
15 БИБЛИОТЕК ПО 30 РУБ., 20 БИБЛИОТЕК ПО 25 РУБ.,
а также отдельные фундаментальные учебники и
лучшие литературные произведения.

По мере роста числа подписчиков количество премий
будет увеличиваться.

БИБЛИОТЕКИ КОМПЛЕКТУЮТСЯ САМИМИ ПОДПИСЧИ-
КАМИ ИЗ КАТАЛОГА ГОСИЗДАТА.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

Редакция журнала «Красное Студенчество» Мос-
кв., Солонки, 12, Дворец Труда, комн. 214, тел. 3-35-34.
Уполномоченными являются все учебные заведения и профес-
сионно-технические училища. Главной к-рой
полномочных и производящих изданий Госиздата Мос-
квы, центр, Ильинки, 3, Госиздат, тел. 4-87-19. В от-
деленных районах и губерниях Госиздата, во всех
кисельных и восточных комитетов и в почтовых пунктах,
а также во всех почтовых-телеграфных конторах.